

ДОБРОЕ ДЕЛО

КИСЛЕВ 5771

63

ДЕКАБРЬ 2011

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

В атмосфере уважения и взаимопонимания

В зале Культурного центра Хеседа состоялась встреча представителей национально-культурных обществ Одессы.

Начальник отдела по делам национальностей и религий Управления по культуре и туризму облминистрации Ярослава Резникова представила коллег из обществ: болгарского — Дору Костову, чешского — Надежду Морозову, молдавского — Анатолия Фетеску, индийского — Людмилу Друмову, рассказала о Международном дне толерантности, о важности встреч представителей национально-культурных обществ для обсуждения путей решения вопросов создания в нашем городе атмосферы уважения, взаимопонимания, обмена национальными культурными ценностями. Она же предложила создать библиотеку, укомплектованную книгами авторов, представляющих литературу разных народов. И очень важно, чтобы эти книги были как на языках оригиналов, так и в переводах на украинский и русский языки.

Руководитель чешского общества рассказала о его работе и желании сотрудничать с другими национальными обществами, поделилась воспоминаниями о поездке в Прагу. Представитель индийского национально-культурного общества поделился опытом организации праздничных встреч. Руководитель проекта «Уходящее поколение», выполняемого Хеседом по гранту Немецкого Федерального Фонда EVZ — «Память, ответственность и будущее», партнером которого является Всеукраинская благотворительная организация «Турбота про літніх» (ВБО «ТЛУ») Ирина Верведа акцентировала внимание на то, что информация о людях, переживших ужасы нацизма и тоталитарного режима, собирается вне национальной и религиозной принадлежности участников и свидетелей событий.

Руководитель Культурного центра Хеседа, заслуженный работник культуры Украины Анна Розен рассказала о работе Хеседа и предложила

вниманию участников встречи разнообразную и яркую концертную программу, в которой прозвучали песни на украинском, русском языках, иврите и идише. Слушатели тепло приняли вокальный дуэт «Тайхеле» («Реченька») в составе Таисии Зборовской и Лидии Бондарчук, которые исполнили лирическую украинскую песню «В'ється стежечка».

Фото на память.
Слева направо: Л.Друмова, А.Рават, А.Розен, И.Жеребкер, Я.Резникова

Лауреат нескольких украинских конкурсов и фестивалей Инна Шафир исполнила на иврите «Аллилуя» и на идиш «Идн, идн, бридер идн». Хорошо известный одесситам, зрителям из других городов, жюри различных конкурсов и фестивалей Иосиф Жеребкер вместе с Ириной Александровской показали фрагмент спектакля театральной студии «Одесские дворики».

Руководитель этой студии Михаил Крупник порадовал слушателей двумя авторскими песнями, Ирина Александровская спела два своих романса «Я не скажу вам ничего» и «Гитара». Наградой исполнителям стали дружные аплодисменты собравшихся.

Завершила встречу дегустация блюд еврейской кухни, в ходе которой возникла оригинальная идея — провести среди национально-культурных обществ Одессы конкурс на приготовление ... плова. Может быть, эта «вкусная» идея воплотится в жизнь. Но встречи, подобные этой, непременно еще состоятся.

Семен Вайнблат

Люди, творящие добро

Давно вошли в обиход названия «Большая Москва» или, скажем, «Большой Нью-Йорк», поскольку эти города уже включают в себя расположенные населенные пункты. Подобным образом наш Хесед можно называть «Большой Хесед», так как имеет он филиалы в городах области, в частности, в Белгороде-Днестровском.

У истоков его стояли ныне покойная Мария Болибок, Ирина Милевская, Маинна Путилова, Светлана Калатало, Валентина Шулика, София Думбрава.

Они заботятся о пожилых и больных людях, снабжают продуктами, лекарствами, углем, который не всем нам не по карману. С душевным теплом относятся к клиентам соцработники М.Бабакова, Р.Гражданцева, О.Кравченко, Н.Снигурова, Н.Яценко, волонтеры А.Вишняков, А.Райхиль, А.Свиридова.

Конечно, не хлебом единым живет человек. Потому организованы кружки: «Традиции еврейского народа», «Литературный салон», «Хозяюшка» и другие. По всем правилам отмечают у нас

еврейские праздники, стараниями руководителя Культурного центра Хеседа Анны Розен приезжают к нам из Одессы с концертами профессиональные и самодеятельные артисты.

А в «Теплом доме», которым много лет руководит Анна Зубкова, одинокие пожилые люди встречаются, рассказывают о себе, выслушивают других, обмениваются мнениями по разным вопросам и впечатлениями от разных событий, словом, в полной мере ощущают радость так необходимого им человеческого общения.

С интересом и чувством выполняемого долга участвуем мы в новом проекте «Уходящее поколение», в рамках которого те, кому пришлось пережить ужас фашизма, встречаются и делятся воспоминаниями.

Не забыты и самые юные. Они с удовольствием посещают детский кружок «Хаверим», на занятиях которого знакомятся с еврейскими праздниками и традициями, рисуют, лепят, своими, уже умелыми руками готовят самые разные, радующие глаз учителей и родителей поделки.

И за все это, за благородство, душевность и заботу от имени всех клиентов хочется от всей души поблагодарить всех сотрудников и волонтеров нашего Хеседа — людей, творящих добро!

Клиент Белгород-Днестровского филиала Хеседа Софья Бейнгард

Работники Белгород-Днестровского филиала (слева направо) - 1-й ряд: И.Милевская, А.Дзюбенко, Н.Яценко, Н.Снигурова; 2-й ряд: О.Кравченко, М.Бабанова, Р.Гражданцева, С.Калатало, В.Шулика

“Исполнить долг перед прошлым и будущим” 2 стр.

“Пешки умирают стоя” 2 стр.

Евгения Лукьянова “Час Птицы” 3 стр.

Евгения Лукьянова “Уходящая натура” 3 стр.

Наша гостиня 4 стр.

Тамара Попова “Ученый, педагог, поэт” 5 стр.

Михаил Жванецкий “Жаркое лето” 6-7 стр.

Семен Юшкевич Рассказы 8 стр.

“Две встречи с Петром Соломоновичем” 9 стр.

Руфь Зернова “На море и обратно” 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

ВНИМАНИЕ!

Продолжается подписка на газету “ДОБРОЕ ДЕЛО” на 2012 год.

Подписной индекс—09720 по дополнительному списку.

Подписка принимается в почтовых отделениях

и в БФ “Хесед Шаарей Цион” — ул. Нежинская, 77/79, 2-й этаж, каб. 227, по вторникам и четвергам с 9 до 13 час., по средам — с 9 до 12 час.

Телефоны БФ “Хесед Шаарей Цион”:

Служба “Мокед-Лакашиш”—73740-21; Служба “Питание”—737-40-11; Программа “Медицина”—737-40-32; Культурный центр—737-40-13; Служба волонтеров—737-40-24; Дневной центр—737-40-30; Газета “Доброе дело”—737-40-12

Исполнить долг перед прошлым и будущим

Продолжается выполнение проекта «Уходящее поколение» по гранту Немецкого Федерального Фонда EVZ — партнера Благотворительной организации «Турбота про літніх в Україні» с целью сбора воспоминаний тех, кто пережил Холокост, организации для них различных культурных мероприятий.

В «Дневном центре» состоялся просмотр фильма о всемирно известном музее Яд Вашем в Израиле, где собирают информацию о евреях-жертвах фашизма во всех странах Европы. На этой встрече своими воспоминаниями поделился Аркадий Григорьевич Кузнецов, который во время оккупации Одессы скрывал у себя евреев — мать и дочь. А потом были определены те, кто еще не заполнял, но, выполняя долг памяти, обязательно должны заполнить для Яд Вашема информационные листы о своих родственниках, друзьях, одноклассниках, соседях, ставших жертвами фашизма в период Второй мировой войны.

«Народ жив, народ будет жить», — под таким девизом посетителям воскресной программы представили видеозапись концерта klezmerского коллектива из США, выступившего в Кракове на Международном фестивале еврейской музыки.

Фронтвики — участники проекта — записали на компьютерный диск воспоминания о своей далекой военной молодости. Фонд этих воспоминаний дополнили и публикации о наших клиентах-фронтвиках.

Надолго останется в памяти «Романтический бал» в зале Литературного музея, подготовленный руководителем Культурного центра А. Розен и координатором «Романтической гостиной» Л. Ерецкой. «Изюминкой» стал открывший бал, как ведется еще с XVII века, торжественный танец-шестье полонез, поставленный хореографом Л. Филипповой. Украшением бала был концерт с участием профессиональной певицы Л. Палинкаш, ученицы одесской хореографической школы, где директор заслуженный

Музее современного искусства, где, что увидели и услышали засняли на видео, чтобы потом перевести на диск.

Проект выполняется три с половиной месяца. И за это, по сути, совсем небольшое время, сотрудники и волонтеры проекта обследовали и проанкетировали 107 человек, которые теперь стали участниками проекта.

Отрадно отметить, что четверо из них не являются клиентами нашего Хеседа, поскольку трагические события коснулись многих людей разных национальностей.

Воспоминания, в том числе на дому, тех, кто не имеет возможности прийти в Хесед, фиксируются разными способами: одни записываются на диктофон, другие — прямо на компьютер, третьи пишутся, как говорится, от руки. И почерк при этом выдает волнение автора, который через много лет пусть мысленно, но возвращается в далекие страшные годы войны.

Два раза в месяц мы проводим встречи в Культурном центре Хеседа, столько же — в «Теплых Домах» Одессы (для Праведников народов мира и бывших узников гетто), Балты и Белгород-Днестровского, участниками проекта создаются альбомы с фотографиями и текстами воспоминаний.

В рамках проекта участвуют 19 волонтеров.

Итоги этой работы подводит рано. Но уже теперь можно и нужно от всей души поблагодарить организацию ВБО «Турбота про літніх в Україні» за предоставленную нам возможность исполнить священный долг памяти перед прошлым и будущим.

Ирина Верведа, Анна Розен

TREFFPUNKT МЕСТО ВСТРЕЧИ
DIALOG: ДИАЛОГ

Програма підтримки Фонду EVZ
STIFTUNG
ERINNERUNG
VERANTWORTUNG
ZUKUNFT

В Теплых домах Суворовский №1 и «Праведники и узники» волонтеры Л. Ерецкая, Б. Ерецкий, Л. Кулик, Е. Лукьянова записали на диктофоны воспоминания десяти человек (в том числе трех — на дому). После обработки воспоминания войдут в задуманную нами «Энциклопедию судеб». Вниманию участников проета были предложены специальные программы на воскресных встречах в Культурном центре, на заседаниях клуба «Фронтвое братство», в «Романтической гостиной».

Жеребкера, М. Владовой, И. Александровской, С. Вайнבלата, И. Шафир. Чарующую композицию в ритме вальса и польки исполнил хор еврейской песни под руководством заслуженного работника культуры Украины В. Ульяш. А завершился бал романтической танцевальной программой и беспроигрышной лотереей.

В рамках проекта участники клуба «Почитателей культуры и истории Одессы», которым руководят Е. Лукьянова и Л. Мирошниченко, побывали на интересной экскурсии в

р а б о т н и к
к у л ь т у р ы
А. Литвиненко,
с о л и с т о в -
а м а т о р о в И.

Пешки умирают стоя

Исполнилось 100 лет со дня рождения шестого чемпиона мира, гениального выразителя современных шахмат, лидера легендарной советской шахматной школы Михаила Моисеевича Ботвинника. Конечно, шахматная студия Культурного центра не могла не отметить этот юбилей большим юбилейным турниром.

С первого тура повел в счете Моисей Хазанкин. Но в середине турнира его пригласили участвовать в первенстве мира среди юниоров в Италии. Отказываться от такого приглашения не принято, Моисей принял его и выступил хорошо, но перерыв, перелеты и смена регламента не могли не сказаться на результатах нашего юбилейного турнира. И стоило Хазанкину оступиться в партии с Александром Калининым, как его на полшага опередил и вышел на 1-е место Эдуард Онилов, 3-м призером стал Денис Розенвассер. И всех мы искренне поздравляем!

Надо сказать, что и в нашей студии есть идущие к столетнему юбилею. Прежде всего, это известный журналист и краевед Михаил Бинов, который встречался за шахматной доской с самим Ботвинником и до сих пор хранит его автограф.

В турнире памяти воспитателя одесской шахматной плеяды Самуила Нутовича Котлермана уверенную победу одержал Александр Цицерман, который, пройдя турнир

без поражений, продолжил свою традицию беспроигрышных игр. Отлично выступили Леонид Коган, Анатолий Агрес и Владимир Бреславец, которые, по-видимому, явятся претендентами на первое место в турнире, посвященном Дню Победы. Творчески играла Лариса Фельдман, осуществив один из самых интригующих, восхитительных моментов в шахматах — превращение пешки. Причем на сей раз вместо пешки, достигшей 8-й горизонтали, она поставила на поле превращения не ферзя, что происходит в большинстве случаев, а коня, и красиво завершила партию правильным матом! Желаем ей новых успехов!

Шахматы являются собой огромный пласт культуры, и дают человеку больше, чем он тратит на них. Играть шахматную партию — то же, что слушать захватывающее музыкальное произведение. Потому и оказывает нашей студии столь серьезное внимание создатель великолепных музыкальных

М. Бинов

Л. Фельдман

А. Цицерман

Дружеские шаржи М. Лебединского

программ Анна Розен. А шахматы она знает не понаслышке, так как ее сын — сильный кандидат в мастера. Будем надеяться, что и внука ее шахматы не обойдут!

Пусть не пройдут мимо шахмат и читатели этого материала! Приходите к нам на Нежинскую 77/79 каждое воскресенье с 10-00 до 13-30, участвуйте в турнирах на любой вкус — классических, рапид- и блиц-встречах.

Гл. судья Аркадий Вайнер

Уроки языка идиш

Урок 10

Числительные

I. Количественные числительные отвечают на вопрос וויפיל? „сколько?“

от 1 до 10	от 11 до 20	Десятки
1 — איין (при счете — איינס)	11 — עלף	10 — צען
2 — צוויי	12 — צוועלף	20 — צוואנציק
3 — דריי	13 — דרייצן	30 — דרייסיק
4 — פיר	14 — פערצן	40 — פערציק
5 — פינף	15 — פופצן	50 — פופציק
6 — זעקס	16 — זעכצן	60 — זעכציק
7 — זיבן	17 — זיבעצן	70 — זיבעציק
8 — אכט	18 — אכצן	80 — אכציק
9 — ניין	19 — נינצן	90 — נינציק
10 — עען	20 — צוואנציק	100 — הונדערט

Числительные, состоящие из десятков и единиц, типа 21, 37, 45 и т.п. образуются по следующей схеме:

1) сначала называются единицы, 2) затем следует союз און „и“, 3) после него — название десятка, например:

21 — איין און צוואנציק (буквально: „один и двадцать“); 22 — צוויי און צוואנציק (буквально: „два и двадцать“); 23 — דריי און צוואנציק; 56 — זעקס און פופציק; 78 — זיבעציק און אכט; 99 — ניין און נינציק

Названия круглых сотен образуются из названий единиц с добавлением слова הונדערט — „сто“; 200 — צוויי הונדערט; 300 — דריי הונדערט; 400 — פיר הונדערט; ... 900 — ניין הונדערט

Названия круглых тысяч образуются тем же способом, что и названия круглых сотен, но с использованием слова טויזנט „тысяча“, например: 2000 — צוויי טויזנט; 3000 — דריי טויזנט; 9000 — ניין טויזנט

Названия трехзначных чисел начинаются с сотен, затем следуют остальные числа в порядке, указанном выше, например: 257 — צוויי הונדערט זיבן און פופציק; 693 — דריי און נינציק

Названия четырехзначных чисел начинаются с тысяч, затем следуют остальные числа, например:

2348 — צוויי טויזנט דריי הונדערט אכט און פערציק

“ Ч а с П т и ц ы ”

Так в японской мифологии называется волшебный час предвечерья. Иными словами — это метафора возраста, времени, когда жар слепящего, обжигающего солнца сменяется тихим плеском воды, задумчивым шелестом ожившей листвы и немного грустными воспоминаниями о прошедшей жизни, в общем-то довольно счастливой, а главное, расцвеченной яркими переливами тонов и полутонов красочной палитры. В этот час в глубине сердца возникает чувство благодарности за все, что было подарено, пройдено, пережито.

В. Коваль

У Вероники Коваль шесть книг — четыре документальные и две художественные. В последней она ярко выразила простые, понятные каждому из нас глубокие чувства. Описывая разных людей и различные жизненные ситуации, она воплощает мысль, что только высокая нравственность может вывести человека из любого тупика и дать ему жизненные силы.

Придя к своим друзьям в Культурный центр Хеседа, Вероника Коваль, кратко ознакомив гостей с разделами книги, предоставила слово тем, кому уже посчастливилось ее прочесть.

Все мы читаем книги по-разному. Каждый находит в них что-то свое, именно ему близкое. Кто-то не оторвется, пока не дочитает последнюю строчку, а кто-то, желая продлить радость общения с книгой, закроет ее на самом интересном месте и будет жить предвкушением новой встречи. Анну Розен, например, больше всего взволновал рассказ “Поездка в Тронхейм”, связанный с полюбившейся ей Норвегией. Она считает, что эта книга всегда должна находиться рядом, потому что ее нужно перечитывать. Музыкант Валентина Ульяш, открыв “Час птицы”, читала до глубокой ночи, захваченная неожиданными образами и коллизиями, а Я. Ясинецкая, напротив, посоветовала не открывать эту книгу перед сном, так как оторваться от нее будет невозможно. Артистка филармонии Елена Куклова была благодарна тому, что жизнь подарила ей встречу с таким человеком, она восхищалась мужеством человека,

писавшего в невероятно сложных жизненных обстоятельствах, и прочла стихи Ларисы Кубатченко, посвященные Веронике Коваль. Музыковед Светлана Малыш сравнила рассказы В. Коваль с музыкальными прелюдиями — шедеврами, в которых выражены глубокие чувства, философские размышления о жизни.

В. Коваль долгое время была убеждена, что о любви она не пишет. Но оказалось, что любовь с ее разнообразными гранями присутствует в каждом ее рассказе, повести, литературной зарисовке. Очевидно, совсем не случайно она выбрала для прочтения одно из самых ярких тому подтверждений — рассказ “Турецкий кофе с привкусом печали”, где неожиданно прозвучавшее незнакомое слово «хюзюн» обратилось в очень близкое русское слово “печаль”. Печаль о неожиданной, запоздавшей на долгие годы встрече, родившей горький вопрос: “Почему так мало отмеряно человеку счастливых мгновений?”

Сердцем книги автор считает раздел “Из далекого детства”, где ярко высвечивается незабываемый образ мамы. Рассказы “Пуша” и “Розовый шарик” невозможно читать без улыбки и чувства сожаления об ушедших днях. В книге три повести, рассказы, миниатюрная вставка о разнопородных кошках из разных стран. А в разделе “С улыбкой” в совершенно неожиданном варианте, совсем не похожем на миф, подан веселый рассказ “Похищение Европы”. Следует сказать, что юмора и улыбок Веронике Коваль не занимать. Они встречаются в ее творчестве даже в самые серьезные моменты, не говоря уже о брызжущем веселом смехе и иронии в рассказе о порядке постаревшем, с годами пообтрепанном, с аритмией и желудочными коликами Купидоне, который вот уже несколько сотен лет подает в небесную канцелярию заявление об уходе и неизменно получает его обратно с резолюцией Зевса: “Отказать по причине дефицита”.

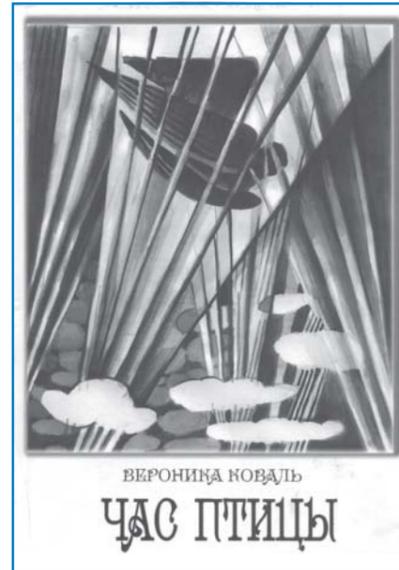
В книге представлены семь интереснейших впервые напечатанных переводов австралийских мифов и страницы “Из путевых дневников” с догадкой о прообразах героинь А. Чехова в очерке “Антон Павлович и три сестры”. Здесь же проникновенно поэтический очерк “Вспоминая Эдем”, в

котором тонко и трепетно передан образ природы Ужгородщины.

Работая в журнале “Выставки Одессы”, Вероника Коваль бывает не только на официальных открытиях, но и в запасниках, где хранятся картины. Именно здесь она однажды увидела картину С. Ильина “После дождя”, написанную в старинном стиле. Глубокая осень, пустынная, ведущая к морю дорожка, тишина, две фигуры — черная и белая — мужчина и женщина. И сразу же возникла ассоциация с черно-белыми клавишами рояля. И вот уже зазвучали в голове поэтические строки “На старинной картине черно-белая пара”. Услышав экспромтом рожденные стихи, композитор Валентина Ульяш почти мгновенно откликнулась мелодией, написанной в стиле

русского городского романса. Проникшись лирическим настроением стихов и музыки, Семен Вайнблат и Инна Шафир с успехом исполнили его.

Художник С. Ильин, присутствующий в зале, был тронут вниманием поэта, композитора и исполнителей к написанной им картине. Он сказал, что тема дождя, человеческих взаимоотношений и музыки всегда близки его творчеству, особенно музыка минорная, располагающая к раздумью.

Книга Вероники Коваль пронизана светом. Она прозрачна, проста и лаконична, написана отличным русским языком, наполнена яркими сравнениями, образами. В ней разные страны, люди, характеры, в которых ясно просматривается светлая мудрая душа и безграничное терпение человека и писателя. У автора книги “Час птицы” редкое имя древнегреческой богини Вероники, которая всегда приносит победу тем, кто творит добро. Состоит оно из двух слов — всеобъемлющего «Вера» и торжественного «Ника», то есть победа. Можно смело сказать, что вся жизнь и творчество Вероники Коваль до краев наполнена верой в победу добра.

Уходящая натура

Скажите откровенно, когда в последний раз, спеша по делам, гуляя с друзьями, провожая внуков в школу или просто проходя улицами и переулками старой Одессы, вы вдруг удивленно остановились, взглянув на решетку давно знакомого, но давно забытого подъезда, на ажурный балкон или неожиданно открывшуюся красоту дома? Когда в последний раз вы просто широко и счастливо улыбнулись городу, в котором родились и живете? Скорее всего, вы удивитесь и ответите, что и так ни на что времени не хватает, да и знакомо все это еще с детства, к тому же есть дела поважнее. А ведь многие из нас в этой каждодневной толкотне и не заметили, как кое-где навсегда исчезли декоративные заборы, решетки, старинные здания. К сожалению, они исчезли не только из жизни города, но и из нашей с вами жизни, значительно обеднив ее.

К счастью, есть еще в Одессе настоящие подвижники, влюбленные в свой город. И один из них — мастер художественной фотографии Леонид Сидорский, не единожды побывавший в стенах Культурного центра Хеседа и снова пришедший сюда с показом трех

своих фильмов: “На волне моей памяти”, “В тумане скрылась...” и “Одесса. Кариатиды. Мы”. Первый из них — это дань ностальгическому настроению, слегка подернутого легким флером грусти и прощания с городом юности и зрелости, с городом, который Леонид Сидорский за

Л. Сидорский

всю свою жизнь не оставил даже на один день. Здесь крыши домов с оставшимися еще кое-где печными трубами, золотые и серебряные луковицы храмов, петух на шпиле флюгера, дом, где была аптека Гаевского, филармония, Дума. В этом мини-фильме есть захватывающие дыхание кадры застывшей чугунной шали Одессы. Орнаментная вязь, художественное литье, тонкие кружева решеток и павлиний веер из металла в

верхней части ворот, массивные чаши у памятника Пушкину и чудом сохранившиеся старинные фамильные вензеля, мастерски отлитые цветы, листья, драконы и вазы. А иногда таинственно приоткрытые дворовые пролеты калитки. В фильме много солнца, света, неба, облаков и с любовью в разное время дня и года снятый любимый одесскими Дюк. А иногда просто город, но не всегда узнаваемый, — это море, дворе задела более всего. Ведь с просвечивающее сквозь сплетенные ветки деревьев, пушка с фрегата “Тигр” на бульваре, возрожденная в своем величии Екатерина на одной из лучших в свое время площадей Европы, задумчивые собаки и исполненные собственного достоинства коты, живые, теплые огни вечернего города.

Леонид Сидорский — тонкий мастер фотографии настроения. Поэзия предрассветного часа, волшебство туманной дымки, размытость контуров оперного театра, отражение в мокром асфальте улиц неверного света изящных фонарей. Все это, показанное в фильме “В тумане скрылась...” надолго останется в памяти зрителей.

В фильме “Одесса. Кариатиды. Мы.” на фоне осени природы и осени человеческой жизни проходит ненавязчивая параллель между стариками, увековеченными в памятниках, бюстах и барельефах и сегодняшними старожилками города. И эти живые лица, фактура одесских дам, образы и

характеры южан не могут не вызвать улыбки с налетом легкой грусти по уходящей натуре.

Все фильмы Л. Сидорского сопровождаются точно и чутко подобранной музыкой. Она трепетно сопровождает каждый кадр, становясь единым целым с фильмом. Трудно сказать, какая мелодия была ярче или запомнилась лучше. Но, пожалуй, песня о старом дворе задела более всего. Ведь с возрастом воспоминания о своем доме становятся сильнее и острее. И очень горько, когда уже нет места, где были величии Екатерина на одной из лучших в свое время площадей Европы, а “... Там где вишня Раи, забита свая”, погибли два каштана и нет красавцев кленов. И вдруг очень ясно ты понимаешь, что “Здесь был мой дом, моя семья”. К сожалению, именно был, оставшись воспоминанием только на пленке.

У замечательного мастера уже готовы или почти готовы еще несколько фильмов: “Перекресток”, “Времена года”, “Одесские дворники”, но пока их появление проблематично.

Л. Сидорский, как все одесситы, оптимист. Сдав 23 тысячи единиц фотоматериалов в архив, он уверен, что через сто, ну, максимум, через двести лет, любимый город будут воссоздавать по его фотографиям, которые еще успели запечатлеть непреходящую красоту Одессы, переданную нам ее предками.

Дай-то Б-г.

Страницу подготовила Евгения Лукьянова

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители «Нашей гостиной»!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем постоянно посещать «Нашу гостиную», поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хеседа, о чем мы будем вас оперативно информировать.

Особое мнение

Закончился очередной грегорианский, он же финансовый, 2011 год.

И теперь, в последнем своем выпуске за 2011-й, «Наша гостиная», естественно, подводит краткие итоги своей работы за уходящий год.

И мы с удовлетворением можем отметить, что, судя по количеству клиентов Хеседа, которые пожелали оформить подписку на нашу газету, читательский интерес к ней за последний год значительно вырос. Думаем, что наша постоянная ежемесячная рубрика тоже внесла в этот отрядный факт свой достаточно весомый вклад. А подтверждается это тем, что теперь значительно уменьшилось количество клиентов, которые по разным вопросам обращаются к администрации Хеседа и кураторам Социального отдела. И все это произошло, главным образом, потому, что материалы, которые печатаются в «Нашей гостиной», при внимательном их прочтении позволяют читателям получить достаточно подробные ответы на самые разные возникающие у них вопросы, связанные с работой всех программ и подразделений Хеседа.

В преддверии окончания года мы произвели выборочный, но достаточно убедительный опрос читателей «Доброго дела» с целью определить рейтинг тех или иных информационных материалов, которые мы регулярно публикуем в «Нашей гостиной».

На первом месте оказался «Перечень лекарственных средств, разрешенных к отпуску клиентам Хеседа». Другими словами, «Лекарственная корзина», которую мы печатаем два раза в год. И это вполне объяснимо, так как подавляющее

большинство наших клиентов постоянно приобретает медикаменты по пластиковым карточкам. В начале наступившего года наш учредитель, как всегда, будет вносить изменения в «Лекарственную корзину». При этом по обоснованным причинам одни лекарственные препараты будут из нее исключены, а другие — добавлены, о чем мы своевременно проинформируем наших читателей.

Второе место, что тоже естественно, занимают материалы рубрики «Информация к размышлению». Мы отдаем себе отчет в том, что клиенты Хеседа в большинстве своем люди, мягко говоря, не самые молодые, а потому зачастую нуждаются в разъяснении, а то и повторении ранее напечатанного. Мы в своих публикациях на протяжении всего года несколько раз возвращаемся к одним и тем же вопросам и проблемам. И в результате такой практики теперь, по сравнению с прошлыми годами, ко взаимному удовлетворению значительно уменьшилось количество разного рода конфликтных ситуаций, возникающих как при обслуживании клиентов в программах Хеседа, так и при приобретении ими продуктов питания в магазинах и лекарственных препаратов в аптеках.

На третьем месте — материалы, которые публикуются в рубрике «Справочное бюро». Мы подробно и неоднократно рассказываем читателям о тех инструкциях и критериях, в точном соответствии с которыми работает Хесед. Но ответ на конкретный вопрос клиента, возникший в конкретной ситуации разной сложности, позволяет ему детально в ней разобраться.

Не менее популярны были и те материалы, которые печатаются в рубрике «Жалобная книга». Многолетний опыт общения с клиентами, которые обращаются со всякими жалобами в администрацию или к учредителю Хеседа, свидетельствует о том, что появление большинства этих жалоб вызвано тем, что авторы их не всегда отчетливо представляют себе правила и характер работы

нашей организации. Поэтому мы, не приводя фамилии обратившихся к нам клиентов, приводим основные положения их жалоб и детально объясняем причины их появления. В том случае, если эти причины обоснованы, мы рассказываем о принятых мерах. Нужно отметить, что значительное снижение жалоб, помимо всего другого, в том числе и по совершенству работы Хеседа, можно объяснить и тем, что материалы этой рубрики регулярно печатаются нами и внимательно читаются нашими клиентами.

Все, что печатается под рубрикой «Особое мнение», в нашем рейтинге тоже занимает особое место, так как мало кого оставляет равнодушным. Другое дело, что некоторые наши клиенты почему-то не всегда понимают, что эти статьи отражают

Справочное бюро

исключительно личное мнение их автора, которое не должно, да и не может всегда совпадать с мнением читателей. Нередко мы рассказываем в них и оцениваем нелицеприятные поступки некоторых клиентов Хеседа, но никогда не приводим их фамилии. Тем не менее, они, бывает, узнают себя, случается и так, что их узнают другие читатели нашей газеты. И приходится нам читать разные нелицеприятные комментарии к ним. Но это тоже является составной частью нашей работы и, как никак, свидетельством обратной связи с читателями.

Конечно, нас радуют приходящие в редакцию письма, в которых читатели поддерживают «особое мнение» автора статей. Но мы крайне заинтересованы и в том, чтобы читатели вступали с нами в спор, доказывали свою правоту, обосновывали свое «особое мнение», предлагали что-то полезное, новое и толковое. А потому мы непременно будем публиковать и такие письма, дабы, с одной стороны, поощрить их авторов, а с другой — приобщить к активности других читателей.

Клиенты Хеседа не обходят вниманием и материалы рубрики «Медицинский кабинет», из которой можно узнать все, что им нужно знать о работе столь востребованной

многими клиентами «Медицинской программы».

На «Доске объявлений» регулярно печатается краткая, четко изложенная информация, которая позволяет внимательным и аккуратным клиентам не пропустить установленные сроки действия кредитов, начисленных на пластиковые карточки, представления в Хесед необходимых документов, выдачи памперсов и др., узнать, какие продукты дополнительно к ранее объявленным отпускаются со скидкой 8% в магазинах сети супермаркетов «Копейка».

В дополнение к результатам опроса мы обращаемся к нашим читателям с просьбой оценить значимость материалов «Нашей гостиной», высказать свои пожелания и предложить ввести новые рубрики.

А мы, со своей стороны, начинаем рубрику «Говорят наши клиенты», в материалах для которой, думаю, недостатка не будет.

Так, один из клиентов Хеседа, проживающий в Ильичевске, поддерживает принятый нами порядок выделения средств для оплаты продуктов питания и лекарственных препаратов по кварталам. Он же благодарит своего куратора Ирину Григорьевну Хацкевич и социального работника Екатерину Александровну Ткачук за их добросовестный труд. Благодарит своего куратора Дину Александровну Попель и бывший узник гетто и концлагерей В.В. Кузнецов. Когда он с общим инфарктом оказался в больнице №3, она не только оформила для него документы для получения

Доска объявлений

помощи в программе «СОС», но и принесла ему лекарства в больницу. И оперативность оказания этой помощи тогда поразила не только других больных, но и лечащего врача, который профессионально оценил эту оперативность и самыми добрыми словами отозвался о работе куратора. Но мы, естественно, не благодарностей ради открываем эту рубрику, хотя дать возможность человеку выразить свою искреннюю благодарность — тоже доброе дело.

И в завершение мы поздравляем читателей с Новым годом, который по традиции отмечаем вместе с другими гражданами Украины. Зоровья, радости, благополучия, долгих лет жизни!

Читатели, коллектив редакции газеты «Доброе дело», посетители Культурного центра от всей души поздравляют с юбилеем постоянного автора газеты **Евгению Борисовну Лукьянову.** Живите долго, пишите много!

Ученый, педагог, поэт

Талантливый педагог, ученый, поэт — такой запомнилась многим Евгения Львовна Кричевская, ушедшая в этом году в мир иной. В Культурном центре БФ «Хесед Шаарей Цион» собрались бывшие ее коллеги и студенты, представители Одесского театрального общества, почитатели творчества Евгении Львовны. В своем вступительном слове организатор этого вечера профессор Одесского национального политехнического университета, друг и соратник Е. Кричевской Валентин Максименко рассказал о дружбе с ней, ее вкладе в культурную жизнь Одессы. С

Е.Л.Кричевская

основными вехами творческой биографии Евгении Львовны познакомила присутствующих доцент Политехнического университета Тамара Попова.

Евгения Львовна Кричевская родилась 22 июля 1914 года в Одессе в семье учителей. Мать — Эсфирь Давидовна преподавала русский язык и литературу, отец — Лев Вольфович был учителем в младших классах. В 1929 году Евгения Львовна окончила школу и поступила в химический техникум, через год — в Одесский химико-технологический институт. В 1937 г. она вышла замуж за преподавателя института Бориса Марковича Аганина. Евгения Львовна внешне похожа на Фанну Раневскую в молодости, которая любила повторять: «Я никогда не была красивой, но всегда была

чертовски мила!» Окончив институт, она поступила в аспирантуру. В 1941 г. у нее родилась дочь Наталия. Когда началась война, муж ушел в армию. Семья эвакуировалась в Алма-Ату, где Евгения Львовна работала в институте геологических наук и там же защитила кандидатскую диссертацию. В 1945 г. вернулась в Одессу. Политехнический институт возобновил работу и она работала сначала в должности доцента кафедры органической и аналитической химии, а с 1957 года в течение

52 лет — доцентом кафедры технологии и автоматизации химических производств. В октябре 1945 года ей была присвоена степень кандидата химических наук, а через год — звание доцента. Часто она читала лекции по новым для нее дисциплинам. Нередко ей самой приходилось разрабатывать программы новых курсов, по которым еще не было никаких учебных пособий. Ее научная работа протекала в разных направлениях, но главным из них было моделирование и оптимизация химико-технологических процессов. Она опубликовала свыше 100 научных работ, но главным делом своей жизни считала педагогическую деятельность. В 1982 г. от инфаркта умер муж. Оправившись от потрясения, она занималась совместно с коллективом авторов разработкой

компьютерных курсов для обучения химии, химической технологии, технической термодинамике. Сейчас эти курсы используются для дистанционного обучения.

Кроме работы, у нее были два увлечения — туризм и поэзия. Она побывала во многих уголках нашей бывшей Родины. Стихи писала с детства. В них переплетаются ее философские воззрения, лирика и юмор. В 1997 г. вышел ее сборник «По дальним и ближним дорогам». С годами она начала терять зрение. Врачи не смогли вылечить ее, пришлось приспособившись к новым условиям жизни. Переломным моментом стала ее встреча с народным учителем Семеном Михайловичем Проничкиным, под его руководством она научилась читать и писать по методу Брайля и печатать на машинке. Несмотря ни на что продолжала работать. Высокий профессионализм, разносторонняя эрудиция, глубокие теоретические знания привлекали сердца и умы ее коллег. Тяжким испытанием стало решение дочери и внучки уехать в США. У них были для этого серьезные причины. Ей же предстояло расстаться с родным городом, любимой работой, прекрасными друзьями.

За рубежом она жила в окружении соотечественников, посещала русский «Клуб любителей книг». Опубликовала более 15 статей по вопросам культуры, к своему 93-летию издала сборник «Пейзажи Нью-Йорка». Жизнь Евгении Львовны прервалась в 2011 г., но она была и остается примером добросовестного и бескорыстного служения своей профессии.

На вечере в Хеседе профессор Леонид Николаевич Эрайзер поделился воспоминаниями о Евгении Львовне как ученом, методисте, педагоге, человеке

доброе сердца и широкой души. Он прошел рядом с ней путь от студента до доктора химических наук.

От имени Одесского городского эсперанто-клуба «Белая Акация» выступила Людмила Ораевская. «Евгения Львовна, к сожалению, не владела международным языком эсперанто, — сказала она, — но понимала необходимость его использования. В 1998 г. она воодушевила членов клуба на успешное проведение 71-го международного эсперанто-конгресса в Одессе. В нем приняли участие 240 эсперантистов из 25 стран и 5 континентов». В заключение она прочитала стихотворение Е. Кричевской «Эсперанто».

В концертной программе, посвященной Е. Кричевской и подготовленной руководителем Культурного центра Анной Розен, участвовали ведущий концертмейстер кафедры Оперной подготовки Одесской музыкальной академии им. Н.Неждановой, дипломант международных конкурсов Наталья Изуграфова, ярко проявившая свои музыкальные способности. Ее дуэт с доцентом ОНПУ Идой Миаиловной Поповой вызвал щедрые аплодисменты зала. Проникновенно читала стихи Евгении Львовны артистка Одесской филармонии Елена Куклова.

Вечер, посвященный памяти Евгении Львовны Кричевской, прошел с большим успехом. В повседневном общении с коллегами и друзьями она была мягким и отзывчивым человеком, всегда готовым дать добрый совет и оказать практическую помощь. Такой и останется в нашей благодарной памяти эта разносторонняя многогранная личность.

Тамара Попова

Одесский роддом 3

В 1959 году я начала работать в Одесском роддоме №3. Располагался он в Розумовском переулке. В городе его называли «колхозной хатой-родилкой» или «маленькой синагогой». Главврач Яков Юрьевич Гиржель был строг и требователен, всегда напоминал, что врачи — военнообязанные и дисциплина должна соответствовать. Большинство врачей были евреи, а средний и младший обслуживающий персонал — медики разных национальностей. Но никто никогда никаких ущемлений не ощущал.

Отапливались помещения печкой, которая стояла между приемной и родзалом. Чтобы все время была горячая вода, нужно было постоянно подсыпать дрова, уголь. Из прачечной белье поступало белоснежное, отутюженное, и показатели работы были нисколько не хуже, чем в других роддомах. На кухне стояла огромная плита, на которой в котлах готовилась вкусная, почти домашняя, еда. Диетсестра Фрида Гройсман старалась не обойти вниманием одиноких мамочек, которые нуждались в дополнительном питании или диете.

Мне тогда шел 21 год. Я была самой юной, а костяк коллектива составляли люди, прошедшие войну. Заведующие отделениями — Ляля Израйлевна Шустер, Вера Ивановна Ланге и Людмила Ивановна Карликова, которая стала главврачом, когда ушел в мир иной Яков Юрьевич. Все они помогали ему наладить работу так, чтобы женщины не были обделены вниманием и заботой. Детским отделением заведовала Ева Борисовна Козлено. Она выхаживала детей, жизнь которых вызывала опасения. Тогда медиков — аппаратов, куда помещались недоношенные и тяжелые дети, — не было, и она предложила шить ватные одеяльца: из марли и ваты, в них поддерживалась нужная ребенку температура, и в свободное время

мы все помогали их шить. Старшая медсестра Мария Александровна Цурикова следила за порядком и за тем, чтобы все назначения врачей выполнялись вовремя.

Этим людям удалось сплотить дружный коллектив. Все друг другу помогали и в работе, и в жизни. Когда нужно было кого-нибудь отчитать, а такое, конечно, бывало, то это делалось очень деликатно при закрытых дверях. Мы никогда не чувствовали себя в чем-нибудь ущемленными. Когда проводились генеральные уборки, в них участвовали все, кто был свободен от работы. Главврач просил соблюдать субординацию, он говорил: «На работе только по имени-отчеству, никаких милочек-пупочек». Но он был в курсе личных дел сотрудников и всегда либо сам приходил на помощь, либо поручал кому-то. Людмила Ивановна призывала нас не быть работниками и если не согласны с назначениями — оспаривать их. Между прочим, ее семья в годы войны прятала у себя раненого юношу-еврея, который впоследствии стал ее мужем. Это был Карликов Сергей Николаевич — чудесный человек, известный в Одессе хирург. Он консультировал тяжелых больных в послеродовой период и никогда никому не отказывал в помощи. Уже ни его, ни ее нет. А моя наставница Нина Францевна Зарицкая, с которой я дружила, была намного старше, но сильно опекала меня, и я отвечала ей взаимностью. Семья Нины Францевны в годы войны тоже прятала двух еврейских девочек. Одна из них, слава Богу, жива. В родзале моей учительницей была Геня Осиповна Коган. Сейчас она живет в Америке. Ей за 90 лет. Мы

переписываемся, перезваниваемся и даже при помощи детей разговариваем по скайпу.

В роддоме была своя бухгалтерия, где старшей и зам главврача была Рахиль Михайловна Иваницкая. Мы ее называли «Наша баба Руна». Замечательный человек, обо всех заботилась, всех старалась поддерживать.

Была у нас своя аптека, которой заведовала Нина Ивановна Климова. Если появлялись новые медикаменты, она рассказывала нам, как и для чего они используются. Затем — красный уголок. В нем проводили занятия, собрания, всем коллективом отмечали праздники. Местком

Слева направо: медсестра Е.А.Шеманова, врач Ч.А.Липец, главврач Л.И.Карликова, врач С.И.Натанзон

выделял деньги на сувениры, и каждому что-то дарилось — пусть мелочь, но это было очень приятно. Всегда старались поощрять нянечек, санитарок.

Все помещения, которые я назвала, находились в подвальном помещении. Наверху — приемная, родзал, послеродовое и детское отделения. Так как решеток на окнах не было, роддом был обнесен забором, чтобы не было контакта с посещающими, но все равно для мужей это не было преградой, они умудрялись взбираться на верхушку забора и, не дай Бог, если в это время шел

главврач, то получали от него по первое число не виновники, а медперсонал, который не уследил за порядком. «Уши и глаза у вас должны быть везде», — говорил он.

Помню я и врача Евгению Соломоновну Удлер, ей тогда уже было за 70. Она прошла всю войну, а дочь ее, тоже врач, погибла при бомбежке Одессы.

Очень важно, когда коллектив сплочен, тогда работает с душой и видны отличные результаты. Беды начались в 1976 году. Роддом решили закрыть, так как в коридоре здания была изображена шестиконечная звезда, закрытая плиткой. При очередном ремонте она стала видна. После окончания ремонта рабочие не покрасили ее, а снова закрыли плиткой. Роддом закрыли, мне пришлось временно поработать в пятом и втором роддоме, потом — в роддоме №4. И я благодарна судьбе. Там оказались такие же хорошие люди, которые сразу приняли меня в свой коллектив. Главврачом был Анатолий Николаевич Чеботарев. Он говорил: «У меня такой коллектив, что я могу на неделю уехать и буду спокоен: они не подведут».

Четыре года назад я попала в ДТП, и меня поддержали бывшие сотрудники: Света Рыбальченко, Аля Колошина, Наташа Якушева, Вера Гайворон. Пусть простят меня те, кого я не назвала, но помню я всех. Мертвым — вечная память, живым — здоровья, благополучия. Любите друг друга — тогда и работа будет ладиться.

Еще я хочу поблагодарить Хесед за оказываемую помощь, и, в частности, куратора Риту Исааковну Усатову и соцработника Галину Пахмурную. Удачи вам во всем!

Людмила Мошковиц

МИХАИЛ
ЖВАНЕЦКИЙ

жаркое лето
[читать зимой]

Одесса
Печатный дом
2013

Михаил Жванецкий Жаркое лето (читать зимой)

Из новой книги

УЧИТЕЛЮ

Борис Ефимович Друккер, говорящий со страшным акцентом, преподаватель русского языка и литературы в старших классах, орущий, кричащий на нас с седьмого класса но последний день, ненавидимый нами самодур и деспот, лысый, в очках, которые в лоб летели любому из нас, — ходил размашисто, кланяясь в такт шагам, бешено презирал все предметы, кроме своего.

— Бортник, вы ударник, он не стахановец, он ударник. Он кошмарный ударник по своим родителям и по моей голове. И если вас не примут в институт, то не потому, о чем вы думаете, кстати, «потому, о чем» — вместе или раздельно? Что ты скажешь? Получи два и думай дальше.

Этот мальчик имеет на редкость задумчивый вид. О чем вы думаете, Лурье? Как написать «стеклянный, оловянный, деревянный»? Вы думаете о шахматах: шах-мат. Вы мне — шах, я вам — мат. Это будет моя партия, я вам обещаю. И вы проиграете жизнь за вашей проклятой доской.

Повернись. Я тебе дал пять. О чем ты с ним говоришь? Он же не знает слова «стреляный». Не дай Бог, вы найдете общий язык. Пусть он гибнет один.

Внимание! Вчера приходила мама Жванецкого. Он переживает: я ему дал два. Он имел мужество сказать маме. Так я тебе дам еще два, чтоб ты исправил ту и плакал над этой. Посмотри на свой диктант. Красным я отмечал ошибки. Это кровавая, простреленная в шести местах тетрадь. Но я тебе дал три с плюсом, тебе и маме.

Сейчас, как и всегда, я вам буду читать сочинение Григорьянца. Вы будете плакать над ним, как плакал я.

Мусюк, ты будешь смотреть в окно после моей гибели, а сейчас смотри на меня до боли, до слез, до отвращения!

Борис Ефимович Друккер! Его брат, литературный критик, был арестован в 48-м или в 47-м. Мы это знали. От этого нам было тоже противно: брат врага народа.

Борис Ефимович Друккер, имевший в классе любимчиков и прощавший им все, кроме ошибок в диктанте.

Борис Ефимович Друккер, никогда не проверявший тетради. Он для этого брал двух отличников, а уж они тайно кое-кому исправляли ошибки, и он, видимо, это знал.

Борис Ефимович Друккер брызгал слюной сквозь беззубый рот — какая жуткая, специфическая внешность.

Почему он преподавал русскую литературу? Каким он был противным, Борис Ефимович Друккер, умерший в пятьдесят девять лет в 66-м году. И никто из нас не мог идти за гробом — мы уже все разъехались.

Мы собрались сегодня, когда нам — по сорок. «Так выпьем за Бориса Ефимовича, за светлую и вечную память о нем», — сказали закончившие разные институты, а все равно ставшие писателями, поэтами, потому что это в нас неистребимо, от этого нельзя убежать. «Встанем в память о нем», — сказали фотографы и инженеры, подполковники и моряки, которые до сих пор пишат без единой ошибки. — Вечная память и почитание. Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрепанные нервы его, за великий, чистый, острый русский язык — его язык, ставший нашим. И во веки веков. Аминь!»

***

Алло! Марк Абрамович! Зайдет Гриша, дайте ему в морду! Хорошо? Заранее благодарен, заранее.

***

Одесса. Спасательная вышка. По радио всё время говорят: «Шлюпка номер 99, шлюпка номер 99, немедленно вернитесь». Тут один инструктор другому: «Слушай, у нас же всего 70 шлюпок...» Тот же голос: «Шлюпка номер 66, шлюпка номер 66, что там у вас случилось?»

***

В Одессе на толчке идет, хромает.

Она деньги в туфель положила.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

Он в кафе попросил поменять бифштекс. Потом долго раздавался крик:

Дайте первый бифштекс. Верните первый бифштекс. Я пошутил. Как вы не понимаете? Нет. Это не он. Тот все-таки можно было... Вон, вон, третий снизу... Да... Это он. Спасибо.

***

Надпись на фотографии:

«Это я стою на берегу океана в кожаном пальто и шляпе.

То красное вдаль — моя машина.

Эта женщина в белом — я с ней танцевал.

На термометре плюс пятьдесят два.

Вода холодная.

Покажите соседям.

Гриша».

***

— Как пройти к «Привоу»?

— Идите так, как я сижу.

— Вы имеете в виду — лицом?

— А как же! Идите, я вас буду наблюдать. Если вы не туда свернете, я крикну. Идите, идите, пока я молчу. Идите.

***

— Слушай, это ты не любишь айвовое варенье?

— Я. А что?

— Да нет, пока всё нормально.

***

— Как вас зовут?

— Только для вас — Сара Абрамовна. А для всех — Софья Аркадьевна.

***

Угощали меня тортом печеночным. Уже разрезанным на маленькие дольки. «Отрежьте себе», — сказали мне хозяйка, обнося. И хотя порции были крошечными, я себе отрезал. Гость всё-таки.

ВЛАДИКУ ПЕТУХОВУ

Я должен рассказать, как с твоей помощью, Владислав Сергеевич, я впервые в жизни увидел капитализм.

Я побывал в нем.

Я чуть ли не пил в нем пиво.

Посередине Одессы.

В получасе от дома.

— Вам какое? — спросили меня. — У нас восемь сортов.

И я обиделся.

Они не имели права ставить меня в неловкое положение.

Я и так в нем находился всю жизнь.

Разве есть пиво, кроме пива? Есть, оказывается, есть. А эти магазины. Эти меха. Эти бриллианты. Эти шубы, раскинутые по паркету где-то посередине Одессы. Где-то в 79-м или 80-м году.

Я хотел крикнуть: «Да здравствует Советский Союз! Смерть провокаторам!» Но ты шепнул: «Без эмоций». И я, шатаюсь, побрел среди всех этих людей, жрущих тропические фрукты глубокой осенью в Одессе, где заканчивался сезон болгарского перца и начинался сезон мороженой картошки.

Они жрали свои фрукты.

Они смотрели свое кино.

От них пахло Фицджеральдом и Хемингуэем.

И только я, талантливый и неумолимый, в носках и босоножках среди шортов и золотых часов, шмаркал носом, стесняясь достать носовой платок.

Потом достал его в виде комка и вытер-таки, расцарапав лицо.

Я застегнул плотнее сорочку имени Воровского, чтоб скрыть майку трикотажного объединения «Большевик», и побрел дальше по всем восьми шикарным этажам лайнера «Максим Горький», зашедшего в Одессу на 12 часов с немцами ФРГ, куда я, невыездной с детства, через закрытую границу, с помощью моего тайного друга, бывшего секретаря ВЛКСМ ОИИМФ, а ныне начальника пассажирского флота, проник.

Проник и умер.

И ты мне сказал: «Иди по барам, ешь и пей что хочешь, только говори: «Я гость капитана!» И ушел.

А я остался.

Я пил и раньше.

Я много пил.

Но что я пил?

Портвейн с конфетой.

Пиво-пышарс с вяленым бычком.

И синюю водяру цвета синих баб в голубых трико ниже колен, трясущихся со мной в очереди.

Я — гость капитана с легким несварением от котлет столовой № 6 по улице Чижикова, состав которых еще долго будет

предметом пристального изучения ученых, а сама котлета на аукционе «Сотбис» уйдет за большие деньги.

Что я знал, кроме этих котлет и вечнотамороженныхпельменей Слущкого завода кожзамениителей? Колбасу, употреблявшуюся с той туалетной бумагой, из которой она состояла?

Что шло в запивку?

Лимонад «Дюшес», который тоже улетит сегодня в «Сотбис». Что я носил?

Пальто, перелицованное из шинели.

Нам всем хватало на обмундирование, а на одежду не хватало.

Высшим достижением кулинарии для меня были оладьи со сметаной в столовой второго участка порта и бульон из крылышка курочки моей мамы.

Да, Владислав Сергеевич, как гость капитана, сдерживая эмоции, чтоб не выдать вас, я ничего не мог заказать.

Я только шептал: «Вы знаете, я гость капитана».

— Ну, — спрашивали меня, — что будете нить?

— Ничего, — шептал я, — я гость капитана.

— И чего вам налить?

— Ничего, — говорил я, — я гость капитана.

— Может, хотите что-то заказать?

И меню на английском, который я не понимал с детства. Что заказать? Вокруг чужие люди. Мы-то всегда ели только среди своих.

— Что будете кушать?

— Что? — От голода сводило живот. — Вот эти орешки, я гость капитана.

И я стал жевать какие-то лопнувшие орешки, не ощущая вкуса из-за скорлупы.

— Может, с пивом? — спросили меня.

— Нет, — и жевал орехи. Откуда я знаю, каким пивом у них это запивают.

Икая от соли, зашел в ювелирный.

— Я гость капитана.

— Что вас интересует?

— Ничего.

— Может быть, вот эти часы?

— Что вы, — сказал я, — я гость капитана.

Впервые ко мне приставали, чтобы я что-то купил. Это был высший стыд. Тут всем выкатили какие-то колючие фрукты. Я схватил одну. Или одну. Или одну. И почувствовал себя вором, как чувствовал всегда, когда ел.

— Вы гость капитана, садитесь за стол, вам подадут.

— Нет, я здесь.

Я дожевывал в углу. Корки сунул в карман. И пошел искать Петухова.

Ввиду полной невозможности дальнейшего пребывания в капитализме, ввиду униженности, незнания сортов пива и колбас, я попросил вывести меня обратно за борт, где и остался с наслаждением в общественном туалете морвокзала среди посетителей ресторана, многие из которых мочились уже не расстегиваясь.

Я был среди своих... Среди своих я был недолго. Я стал сатириком.

Спасибо вам, Владислав Сергеевич, за первую экскурсию во враждебный мир, борьбу с которым мы с вашей помощью, слава Богу, проиграли.

***

Соседка принесла мне пятьсот рублей:

— Муж отдает вам долг.

Я не мог вспомнить, но взял.

Когда я выходил, он крикнул мне с балкона.

— Миша, сохрани!

ПРИЕЗЖИЙ В ОДЕССЕ

— Где у вас почта?

— Пошлите со мной.

— У меня письмо.

— Пошлите со мной.

— Откуда вы знаете, куда?

— Пошлите со мной. Я знаю куда.

— Я по почте хотел.

— Да нет. Пошлите со мной.

— Не пошлю.

— А как же вы узнаете, где почта?

ЛИТВАКУ

Борис Давидович! Ты прокладываешь лыжню. Мы гуськом за тобой.

Как говорят в спорте — «прицепиться к лидеру». Мы с тобой выросли в то время, когда всё знали наизусть.

Всё в голове — ничего на бумаге.

И всё при себе: вещи, белье.

Набор для любви.

Набор для тюрьмы.

Набор для голодухи.

Главное — дружба и порядочность.

Хотя, это одно и то же.

У какого-то ребенка глаза с каждым годом становятся всё хитрее.

Он уже к десяти годам скопил что-то более существенное, чем мнение.

А мы начали жить в шестьдесят. Наша власть всегда путала причину и следствие. Она вовсю двигала к народу динамики, а надо было придвигать микрофон.

Что ты и сделал в бурные девяностые. До этого молчание было знаком несогласия. Слышно было, что он ест, но не слышно, что говорит. Борис Давыдыч, ты был избалованным ребенком. Ты говорил, что хотел.

От этого ты такой худой, легкий и остроумный. А сегодня ты не только сказал, ты построил, что хотел! И сказанное, и построенное тобой будет жить, радуя! Радуя!

Тебя знает или думает, что знает, весь русскоговорящий и нерусскоговорящий, и плохоговорящий мир.

Теперь если спросят: «Кем хочешь быть, Литвак?»

Отвечай: «Здоровым!»

Разрешите мне от всей души и от себя лично пожелать тебе крепкого здоровья и долгих лет личной жизни, чтоб сохранить успехи в работе.

Ты заслужил всё, что может придумать самый любящий тебя человек.

Не ищи мою руку, Литвак.

Я обнимаю тебя.

Твой М. М.

В ОДЕССЕ НА МОРВОКЗАЛЕ

Полная женщина в американской одежде на русское тело. Вдруг она подскочила ко мне, будто вырвалась:

— Вы знаменитый юморист?

— Нет.

Она тут же бросилась к своим: — Он говорит — нет.

Они ей что-то тихо сказали. Она подскочила:

— Они говорят, вы — известный юморист.

— А я говорю — нет.

Она бросилась к ним с криком:

— Он говорит — нет. Он говорит — нет. Что вы мне голову морочите?

Они ей что-то тихо сказали.

— Кто-то из вас меня обманывает. Я из Америки. Вы - не известный юморист?

— Нет.

— А они говорят — да. Пойдите тут.

— У меня нет времени.

— Пойдите две минуты.

— Он говорит — он не известный юморист.

Они ей что-то тихо сказали.

— Так вы — известный юморист? Вы мне скажите: да или нет?

— Я не знаю.

— Он не знает. Если он не знает, откуда вы знаете...

Они такое придумают, лишь бы деньги заработать. Могут любого назвать или знаменитым, или юмористом. Когда у них нет воды ни горячей, ни холодной, и неизвестно, когда будет, у них это начинается, извините меня, пожалуйста. Я живу в Лас-Вегасе, я их спрашиваю — где Одесса? Они говорят — здесь! Я им говорю — нет. Где вода? Где свет? Где скумбрия?

— Мадам, — сказал я. — С чем вы сравниваете? Одессу надо сравнивать с Одессой. А вы с чем сравниваете? Вы КГБ помните? Идите быстрее.

— Все! Я знаю, кто он. Как я догадалась. Быстро грузите вещи!.. Нет! Сначала меня. Чёрт с ними, с вещами... Лучше я буду на борту, а вы будете кричать с причала... Так легче разговаривать.

— КГБ может снять с парохода, — шепнул я.

— Всё! Я поняла. Мне всё понравилось в Одессе. Сказочный город. Америка — дыра! А эти казино, эта эксплуатация человека человеком — Маркс был прав. Не надо вносить вещи — кидайте вещи на борт... Я в восторге от Одессы. Не загораживайте трап... Я гражданка Америки, чтоб она горела, и я хочу домой.

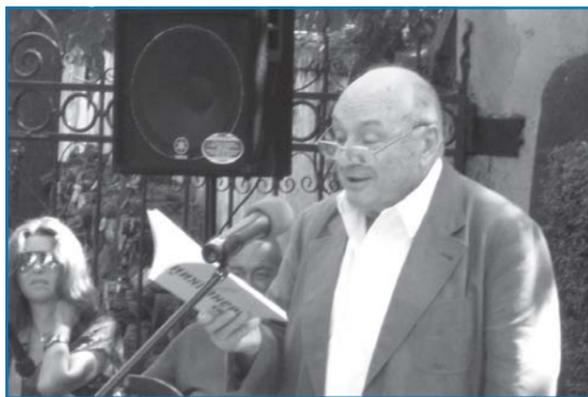
***

Мой друг в Одессе пришел домой в шесть утра. Тихонечко стал раздеваться. Но жена-то проснулась:

— Аркадий, ты что? Только что пришел?!!!

— Ты с ума сошла, я иду за молоком для ребенка.

Оделся и ушел.

Михаил Жванецкий на презентации книги «Жаркое лето (читать зимой)» в Саду скульптур Одесского литературного музея 3 сентября 2011 г. Фото Р.Александрова

ОН НУЖЕН ЗДЕСЬ

Он вцепился в меня рукой. Ему лет 70.

— Пойдите, вы же этот... который... ну напомните мне... В Москве который... Который пишет для этого... Ну, помните? Ну вы же этот... Который сам читает... Не помните? Ну и с этими... Два... этих... И он... Господи... Стойте! Стойте же... Товарищи! Это он. Ну он еще тут рассказывал про этих... Напомните мне... Ну, кто его помнит? Стойте, стойте... Вы же недавно по телевизору про это... Ну про что же?... Ну про... там куда-то ездили... вы Изя?... А если честно?... Откуда я вас знаю?

— Не представляю.

— Вы племянник Розы?

— Нет.

— Но вы ее знаете?

— Нет.

— А в Америке у вас кто-то есть?

— Есть.

— Ну вот! Что же вы не здороваетесь? Стыдно, стыдно... зайдите как-нибудь, я вам почитаю письма.

— Обязательно.

— Позвоните перед этим.

— Хорошо...

— Я же говорю, что я вас знаю. А вы: «Нет, нет». Я помню вашего отца. Он был часовщик?

— Нет.

— Да. Он не был часовщик. Я его помню. А мама шила?

— Нет.

— Да, да. Я помню, помню. Слава Богу, в мои годы. А где у них «Привоз»?

— Вот. До вокзала и направо.

— Да, да, я помню, помню. Если что-то будет от тети Розы... Она в Израиле?

— Нет.

— Да, да, точно, ее там нет.

— Простите, я вообще ее не знаю.

— А как же. Конечно. Она же умерла до того, как ты родился. Ты какого года?

— 34-го.

— А она умерла в 53-м. Всё точно. Я тоже хотел уехать. Потом решил: что мне там делать? Здесь я всех знаю. Я всем нужен. Ты знаешь, что такое, когда ты всем нужен? Вот сейчас мне, например, сейчас надо в мастерскую. Мне сейчас надо починить утюг. Что бы я там делал? А здесь мне надо плитку электрическую починить. То есть ты понимаешь, как я всем нужен. Сейчас в Одессе плохо с этим... С как его... ну который горит... и я перешел на примус... Но его надо починить. Вот я иду. Нет, мне там делать нечего. Я здесь нужен. Здесь такой был Аркадий. Это что-то!

— Но он уехал.

— Я иду к нему. Мне раскладушку надо заклепать. Он сейчас клекает? Ты не знаешь — клекает? Он мне заклекает. И примус починю. Где, ты говоришь, у них вокзал?

— Вот этот шпиль.

— У них там «Привоз»?

— Там вокзал.

— Да, там вокзал. А там «Привоз» и там Аркадия. Он мне всё починит. А что бы я там делал? Кого я там знаю? Куда я в раскладушке в Америке? Они даже не знают, как ее раскладывать. А заклепать? Только здесь. Здесь мы свои. Звони, я тебе всё напомню.

***

В Одесском областном сумасшедшем доме проживал больной, который все время пел: «Не нужен мне берег турецкий...» — и останавливался.

«Не нужен мне берег турецкий...» — и останавливался.

Его долго лечили. Объясняли, что там еще есть слова.

Наконец вылечили.

Через некоторое время его доставили этапом с турецкой границы и снова поместили в сумасшедший дом.

***

— Так вы рыбу пришлете?

— Считайте, что вы уже съели.

***

Надпись в Одессе на дверях туалета:

«Воды в туалете нет, так что имейте в виду».

Как иметь это в виду, не сказано.

***

Наш юмор добывается из воздуха и уходит в воздух.

Как пляжные звуки, крики приезжих: «Все это надо записать!» — тоже уходят в воздух.

Значит, юмор, язык, запах еды и красивые женщины — и есть воздух этого города.

***

Как замечательно в ресторане. Вместо «Благодарим за посещение» — «Ну как? Наелись?».

***

— Алло! Это Додик?

— Тоже нет.

— Это квартира Макаревского?

— Тоже нет.

— Значит, я ошибся?

— Пока да.

К МОРЮ

Я обнимаю вас, мои смеющиеся от моих слов, мои подхватывающие мои мысли, мои сочувствующие мне. И пойдем втроем, обнявшись, побредем втроем по улице, оставим четвертого стоять в задумчивости, оставим пятого жить в Алма-Ате, оставим шестого работать не по призванию и пойдем по Пушкинской с выходом на бульвар, к Черному морю. Пойдем весело и мужественно, ибо все равно идем мужественно — такой у нас маршрут. Пойдем с разговорами: они у нас уже не споры — мы думаем так. Пойдем достойно, потому что у нас есть специальность и есть в ней мастерство. И что бы ни было, а может быть, все и в любую минуту, кто-то неожиданно и обязательно поможет нам куском хлеба. Потому что не может быть — их были полные залы, значит, будущее наше прекрасно и обеспечено.

Мы пойдем по Пушкинской прежде всего как мужчины, потому что — да, — потому что нас любят женщины, любили и любят. Мы несем на себе их руки и губы, мы живем под такой охраной. Мы идем легко и весело, и у нас не одна, а две матери. И старая сменится молодой, потому что нас любят женщины, а они знают толк.

Мы идем уверенно, потому что у нас есть дело, с благодарностью или без нее, с ответной любовью или без нее, но — наше, вечное. Им занимались все, кто не умер, — говорить по своим возможностям, что плохо, что хорошо. Потому что, когда не знаешь, что хорошо, не поймешь, что плохо. И Бог с ним, с наказанием мерзости, но — отличить ее от порядочности, а это все трудней, ибо так в этом ведре намешано. Такой сейчас большой и мужественный лизоблюд, такое волевое лицо у карьериста... И симпатичная женщина вздрагивает от слова «национальность» даже без подробностей.

Мы пойдем легко по Пушкинской, потому что нас знают и любят, потому что люди останавливаются, увидя нас троих, и улыбаются. Это зыбко любовь масс. Это быстротечно, как мода. Мода быстротечна, но Кристиан Диор живет. И у нас в запасе есть огромный мир, на самый крайний случай — наш внутренний мир.

Три внутренних мира, обнявшись, идут по Пушкинской к морю. К морю, которое, как небо и как воздух, не подчинено никому, которое расходится от наших глаз вширь, непокоренное, свободное. И не скажешь о нем: «Родная земля». Оно уходит от тебя к другим, от них — к третьим. И так вдруг вздыбится и трахнет по любому берегу, что попробуй не уважать.

Мы идем к морю, и наша жизнь здесь ни при чем. Она может кончиться в любой момент. Она здесь ни при чем, когда нас трое, когда такое дело и когда мы верим себе.

ОДЕССИТЫ ДЕЛЯТСЯ

Одесситы делятся на рассеянных и сосредоточенных. Рассеянных можно встретить по всему миру. Сосредоточенных — только в Одессе на Маразлиевской, 7, во Всемирном Клубе Одесситов.

Семен Юшкевич

Р а с с к а з ы

Начало в № 59

Иерохим поник головой. Несколько секунд длилось тяжелое молчание. Зейлиг засыпал новую щепотку в нос и на этот раз глубоко затынулся.

— Все это слова, Иерохим, и больше ничего, — наконец произнес он. — Слова или вещи, не все ли равно? Я же тебе сказал, что и в горе, и в радости надо стоять над вещами. Никогда не нужно забывать, что все, что ни делается здесь, проходит, как день, и никогда уже больше не вернется. Никогда уже не вернется, Иерохим. Зачем же убиваться над этим. Главное, только не нужно забывать, что во всем, что бывает, нужно искать руку Всевышнего. В этом цель нашей жизни! Нужно искать Его и Его. А для этого тебе даны вещи. Все, что делается здесь, на земле, все это тайна без начала и без конца, и весь смысл, вся радость человеческая, чтобы понять эти тайны, ибо везде и во всем Тот, имя Которого мы недостойны произносить. Один мучается, другой радуется, один болен, другой здоров, одному холодно, голодно, другой сыт, обут, одет, но это, Иерохим все равно. Все это вещи и ничего больше. Так, значит, хотел Всевышний, и так оно должно быть. Сегодня ты без работы, — это хорошо, мудро. Дети твои будут голодать и мучиться, — это тоже хорошо; Ципка будет бегать, искать и, может быть, напрасно — и это, Иерохим, хорошо; все, все хорошо, все имеет великий смысл, и этот смысл нужно стараться уловить. В этом — смысл жизни человека. И тогда только ты победишь временное, брэнное и станешь приближаться к вечному. Что такое голод, болезнь, смерть? Это ничего, говорю я, Иерохим, и мне хорошо, ибо ничего оно и есть. Я стою над вещами и ищу в них единый смысл, и когда мне иногда случается собрать все нити, я знаю, что я человек, и радуюсь

постижению Всевышнего. Например, в доме пожар. Вещи начинают гореть, и, если люди не ушли, то они тоже сгорят. Что это значит? Глупые люди плачут, а я стою над вещами и знаю, что Всевышний сделал так, чтобы вещи сгорели, чтобы этот дом сгорел и люди его. Но что за беда? Это горит, — пусть, пусть; что возможно — то все равно будет спасено, но этого хотел Он, а Он разве что-нибудь делает на ветер? Так и с тобой. Почему ты портной, а не купец, и плохой портной? Я стою над вещами и знаю, что это Он делает, и так, значит, и нужно. Ципка тут руки ломает, дети плачут, а я ищу Его: может быть, это для того, чтобы ты завтра нашел мешок золота и больше обрадовался? Разве я знаю?

Зейлиг, сильно утомленный, замолчал, Иерохим не сводил с него глаз.

— Я не хорошо понимаю, что вы мне сказали, Зейлиг, но если бы было так, как я понимаю, то света не было бы. Разве я могу не чувствовать, когда мои дети голодны?.. Для чего же бы я работал тогда? Хорошее бы было дело! Я этого не понимаю, Зейлиг, у меня голова разболелась от ваших слов... Что значит "хорошо", если мне больно, или если мои дети умирают с голода. Сам Бог ведь плачет над этим. Разве вы этого не знаете? Хорошо это говорить вам, а не мне. У вас никогда не было детей, не было жены, вы всегда сидите в синагоге, и о хлебе вам не приходится думать, ибо о вас думают другие. А кто обо мне думает? Как же вы можете знать, что случается с людьми? У меня совсем голова разболелась от ваших слов.

Иерохим отвел глаза, точно ему что-то стыдно стало. Потом вдруг выговорил с тоской:

— Бог знает, где теперь Ципка.

Зейлиг бережно поднялся, спустил полы сюртука, смахнул платком с груди табак и, подойдя к дверям, произнес:

— То, что ты сказал, Иерохим, не стоит и медного гроша, я тебе это говорю... Всё, что делается здесь, на земле, два раза не повторяется, и потому нужно не плакать, а ловить это и стараться понять, ибо, кто хочет быть подле Всевышнего, должен во всем искать его указаний. Всё же, кроме этого — вещи и ничего больше.

Зейлиг высунул сначала голову, потом с усилием просунул плечи, точно Иерохим втискивал его в проход, а затем уже и вынес ноги.

Иерохим долго следил в окно, как медленно удалялась фигура Зейлига.

***

И вот началась эта каторжная жизнь: Ципка без устали с утра до вечера хлопотала среди таких же бедняков, как и она, рассказывала им о своем несчастье, передавая и чем она была, и что такое Иерохим, и сколько у нее детей, и чем она больна, и чем болели дети, и кто такие Бейла и Фейга, вызывая своими стопами, слезами и глубокой искренностью участие и ласку. Перепадала ли ей кой-какая работа, она сейчас же, хотя бы это было на другом краю города, бежала домой, передавала ее Иерохиму, быстро осматривала детей, хозяйство, все это проделывая исступленно, почти с ненавистью, и убежала опять просить, унижаться. Иерохим тоже помогал ей и, в свою очередь, искал работы, но из его поисков никогда не выходило толку. Если он находил что-нибудь, то непременно у такого бедняка, который, наверно, не уплатит.

За хозяйством теперь присматривала Ханка.

Но как ни билась девочка, чтобы поддержать какой-нибудь порядок в комнате и не дать упасть хозяйству, — она неизбежно уступала натиску нищеты. Помощи ждать ей неоткуда было. Хромоногая Любка неизменно сидела молча на своем месте подле Иерохима и, редко выглядывая во двор, постукивала своими худыми пальчиками по стеклу. О чем думала эта молчаливая девочка по целым дням? Тоже о голоде, о нищете или о своем недостатке, навсегда пригвоздившем ее к одному месту? Думала ли она о будущем, о прошедшем? Она всегда молчала, такая серьезная, недоступная, и только когда

голод сильно донимал ее, она начинала без жалоб плакать.

А бедная Ханка надрывалась над хозяйством и мало-помалу становилась злой, едкой, похожей на мать.

Теперь они уже вовремя не пили и не ели, питались случайно. Комната опустилась как-то и загрязнилась. Каждый уголок посвоему плакал. Там Розочка валялась на полу, одетая в одну рубашонку, пачкалась в грязи, которую жевала вместе с коркой хлеба, положенной в ее ручку Ханкой. Немножко поодаль сверкала лужица грязной воды, вылившейся из корыта, в котором стирала та же Ханка; в другом углу всегда сушилось какое-нибудь белье; Иерохим сидел грязный, полуодетый, босой, с ввалившимися щеками, молчаливый... Кратковременное оживление и кое-какой порядок наступал все-таки вечером, с приходом Ципки... Заморенная, едва держась на ногах, она с последней энергией набрасывалась на ненавистную ей грязь и чистила, выметала, купала детей, понукала всех в комнате помогать ей. Потом начинались разговоры, знакомые разговоры, долгие, бесполезные, раздражающие.

А поговорить, действительно, было о чем.

За квартиру за прошлый месяц не было уплачено, а теперь надвигается и второй. Хозяин выходил из себя, грозил выбросить на улицу и даже собирался прибегнуть для этого к законной власти. На Ципку эта мысль действовала, как удары палкой по голове. Она вызвала в ней судороги, упрямое желание кричать, вопить, драться. Но как ни билась она, как ни урезывала расходы, нужных денег не удавалось собрать. Одно время она бегала по городу с дикой мыслью найти четыре рубля на улице и, как помешанная, набрасывалась на каждую цветную бумажку, попадавшуюся ей на пути. Иерохима в эту пору она ненавидела до исступления. Вид детей вызывал в ней одно только желание — перерезать их до единого, чтобы не расплодился нищий. Минутами на нее находил столбняк. Тогда ей надоедало двигаться и слоняться, и по целым часам она оставалась на одном месте, подперев подбородок руками, и куда-то бесцельно глядела.

Но самое главное несчастье ожидало ее только впереди.

Продолжение следует

Многие модели современных утюгов имеют систему для увлажнения тканей, которая из-за жесткости воды зачастую обрастает солью и выходит из строя. Для восстановления ее нужно залить в резервуар для воды раствор уксуса в соотношении 1:1 и включить отпариватель над раковиной, чтобы вышел из нее весь раствор. Перед тем как использовать утюг, нужно два раза пропустить через него воду для того, чтобы полностью удалить остатки раствора уксуса, который может испортить ткань.

***

Тюлевую занавеску довольно сложно ровно разрезать. Для этого нужно натянуть между какими-нибудь опорами проволоку и перебросить через нее занавеску так, чтобы проволока располагалась в том месте, где нужно разрезать ткань. Потом по ткани в том месте, где она лежит на проволоке, нужно провести горячим утюгом. В результате место разреза будет ровным и без обтрепанных концов.

***

Если дверь при открывании и закрывании ее скрипит, нужно подложить под нее топор, слегка приподнять ее и штыри дверных петель смазать машинным маслом.

Сделай сам
Полезные советы
от заслуженного рационализатора
Украины
волонтера Григория Махлисы

Разделочные доски после многократного их использования нуждаются в некоем обновлении. Глубокие следы от ножа можно удалить шлифовкой доски наждачной бумагой, после чего доску нужно промыть мыльной водой и ополоснуть. Чтобы избавиться доску от посторонних запахов, нужно протереть ее раствором уксуса (3 столовые ложки уксуса на 1 столовую ложку воды), а потом — полотенцем. После этого нужно нагреть на пару растительное масло и равномерно нанести на поверхность доски. Нагретое масло увлажнит древесину, защитит ее от растрескивания и, проникнув в поры, защитит их от проникновения загрязнений.

***

Трещины в пластмассовом тазике можно ликвидировать с помощью ацетона. Для этого нужно пипеткой нанести ацетон по всей длине трещины. По истечении 2-3 часов ацетон растворит пластик и трещина затянется. После этого процедуру нужно повторить.

Если ящики стола, шкафа и др. плохо выдвигаются-задвигаются, нужно натереть их боковые стороны мылом или парафином, после чего припудрить тальком.

***

Ручная пила не будет застревать, а работать ею будет легко, если натереть ее зубья мылом или воском.

***

Чтобы при распиливании фанеры ее края оказались ровными и гладкими, ее нужно смочить водой по всей линии распила.

***

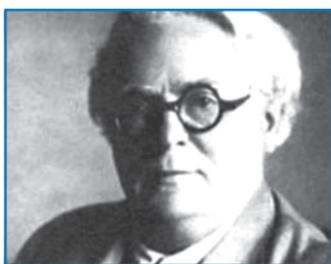
Тонкая доска не будет раскалываться при забивании в нее гвоздей, если острие их несколько затупить.

***

Чтобы старая масляная краска легко отошла от окрашенной поверхности, нужно наложить на нее фольгу и прогладить горячим утюгом. Потом краску можно легко снимать шпателем или циклей.

***

Пятна ржавчины, образовавшиеся вокруг отверстий для стока воды из раковины или ванны, можно удалить нагретым (не до кипения) раствором 1 стакана уксуса и 1/2 столовой ложки соли. Нужно закрыть отверстие пробкой, вылить на пятна раствор и через 15 минут вынуть пробку. Пятна исчезнут вместе с вытекающим раствором.

Исполнилось 140 лет со дня рождения Петра Соломоновича Столярского (1871—1944)

Петр Соломонович Столярский, как известно, был одним из величайших скрипичных педагогов столетия. Жак Тибо, например, говорил: «Его педагогика — то, чем должно гордиться мировое искусство».

Примерно то же говорили Жозеф Сигети, Генрик Шеринг и другие авторитетные музыканты. Чтобы понять их правоту, нет нужды углубляться в теорию, достаточно просто перечислить лишь некоторых из самых выдающихся его «детей» — учеников: Натан Мильштейн, Михаил Фихтенгольц, Самуил Фурер, Елизавета Гилельс, Борис Гольдштейн, Альберт Марков, конечно же, Давид Ойстрах. Педагогика Столярского определила развитие скрипичного исполнительства века: вспомним «внуков» Петра Соломоновича только по линии одного его «сына» — Д. Ойстраха: В. Пикайзен, Э. Грач, С. Снитковский, Р. Файн, О. Пархоменко, О. Крыса, О. Каган, М. Секлер, В. Климов, Л. Исакадзе, Г. Кремер...

Этот славный ряд далеко не исчерпан, а прерываю я его лишь из стилистических соображений. Главное же понятно — панорама скрипичного искусства двадцатого столетия во многом определяется питомцами ШКОЛЫ Столярского.

Валентин Максименко,
профессор ОНПУ, академик

Две встречи с Петром Соломоновичем

В конце 1905 года, когда семья Исаака Бабеля возвратилась из Николаева в Одессу, отец определил его в Одесское Императора Николая I коммерческое училище на Преображенской, 8.

Помимо этого, по настоянию матери, которой не очень-то верилось в блестящую карьеру сына по коммерческой части, он начал посещать «Частные музыкальные скрипичные курсы П.С.Столярского». Домашние следили за тем, чтобы Бабель ежедневно играл заданные Столярским упражнения, и когда он уединялся со скрипкой, буквально ходили на цыпочках, приложив палец к губам: «Ша! Ребенок занимается». Ребенок же занимался тем, что запоем читал запретные для «мальчика из приличной семьи», но так тревожащие воображение солнечные рассказы Мопассана, книги Тургенева, Дюма или многотомную «Историю государства Российского» Николая Михайловича Карамзина и для отвода глаз, вернее, ушей далеких от музыки родственников безостановочно извлекал из скрипки какие-то несусветные звуки.

Кончилось тем, что Столярский самолично пришел к отцу Бабеля и поимел с ним откровенный разговор типа «Если у человека рука не хочет смычок, то к чему его туда влечь». После этого несостоявшегося виртуоза оставили в покое, а через много лет он написал об этой «музыкальной истории» чудесный рассказ «Пробуждение», совершенно одесский, потому что было там кафе Робина на Екатерининской, 12, угол Ланжероновской, трущобы Молдаванки, акации Дерibasовской, дом на Тираспольской и «с бантом, в рыжих кудрях» учитель музыки Загурский, в котором земляки автора незамедлительно опознали Столярского: «По цементному дворику, в тихонько отдуваемой крылатке, .. опираясь на трость, шествовал господин Загурский, мой учитель музыки».

Потом Бабель, к тому времени уже московский житель, приехал в Одессу и, относясь к Столярскому с неизменным пиететом, зашел к нему в школу повидаться. И тут милейший Петр Соломонович решил, что самое время поставить на место давнишнего нерадивого ученика, который не только

когда-то забросил занятия, но еще расписал это на всю Одессу. Он завел ничего не подозревавшего гостя в класс и представил ученикам: «Дети, это есть Исаак Бабель, который тоже хотел с делаться музыкантом, но, — маэстро развел руками, — из него таки ничего не получилось». И с лукавой улыбкой глянул на Бабеля, потому что любил его и, вообще, был добрым человеком...

Урок в квартире П.С.Столярского

Много лет пролетело с той давней поры, когда в 1958 году Константин Паустовский написал повесть «Время больших ожиданий». И в одном из эпизодов ее одесситы опять узнали П. С.Столярского, на этот раз названного фамилией Токарь: «Рахиль училась играть на скрипке у одесской музыкальной знаменитости — Наума Токаря.

«Знаменитость» прекрасно «ставила руку» своим ученикам и «делала им пальцы», но была человеком практическим и лишенным возвышенности.

«Как вы играете эту вещь! — кричал Токарь какому-нибудь ученику. — Где мягкость? Где файность? Где сладость? Представьте себе, что ваша мама Розалия Иосифовна сварила свое знаменитое варенье из черешен, и вы ожидаете, что сейчас будете его кушать. У вас даже текут слюнки. Вот как надо играть эту вещь! Предвкушая! Предвкушая! Предвкушая! Предвкушая!»

При этом маэстро сердито отбивал такт ногой.

Это была вторая встреча читателя с Петром Соломоновичем.

Ростислав Александров

Зиновий Гердт: это был единственный раз в моей жизни...

Это был пятьдесят седьмой год. Москва, фестиваль молодежи и студентов. Толпы иностранцев! Впервые! И приехали пять французских композиторов, сочинители всех песен Ив Монтана: Франсис Лемарк, Марк Эрраль, еще какие-то... Знаменитейшие фамилии! И к ним был приставлен Никита Богословский — во-первых, как вице- или президент общества СССР—Франция, а во-вторых, у него прекрасный французский.

Ну вот. А я тогда играл в Эрмитаже «Необыкновенный концерт», а по соседству выступал Утесов. И так как только от меня, «конферансье», зависело, два часа будет идти наш «концерт» или час двадцать, то я быстренько его отыгрывал, чтобы успеть на второе действие к Леониду Осиповичу. Я его обожал.

И вот я выбегаю, смотрю: стоит эта группа — пятеро французов, Никита и Марк Бернес. Он к ним очень тянулся... И идет такая жизнь: Никита что-то острит, французы хохочут. Я ни слова не понимаю, Бернес тоже. И он все время дергает Богословского за рукав: «Никита, что ты сказал?» Тот морщится: «Погоди, Маркуша, ну что ты, ей-Богу!» Через минуту опять хохочут. Бернес снова: «Никита, что он сказал?»

На третий раз Богословский не выдержал: «Марк, где тебя воспитывали? Мы же разговариваем! Невежливо это, неинтеллигентно...»

Потом он ушел добывать контрамарку — французам и себе, и мы остались семеро совсем без языка. Что говорит нормальный человек в такой ситуации? Марк сказал: «Азохн вэй...» Печально так, на выдохе.

Тут Фрэнсис Лемарк говорит ему — на идиш: «Ты еврей?» Бернес на идиш же отвечает: «Конечно». «Я тоже еврей», — говорит Лемарк.

И повернувшись к коллегам, добавляет: «И он еврей, и он еврей, и он...»

Все пятеро оказались чистыми французами! И все знают идиш! Марк замечательно знал идиш, я тоже что-то... И мы начали жить своей жизнью, и плевать нам на этот концерт Утесова! Тут по закону жанра приходит — кто? — правильно, Богословский!

З.Гердт

М.Бернес

Н.Богословский

Мы хохочем, совершенно не замечаем прихода Никиты... Он послушал-послушал, как мы смеемся, и говорит: «Маркуша, что ты сказал?» А Бернес отвечает: «Подожди, Никита! Где тебя воспитывали, ей-Богу? Мы же разговариваем!»

Это был единственный раз в моей жизни, когда мое происхождение послужило мне на пользу...

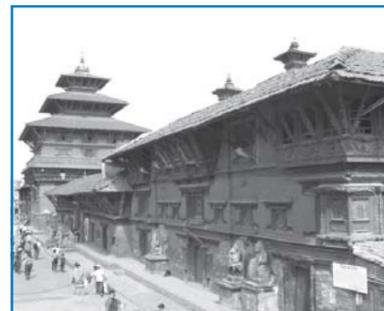
Борис Жутовский

Вот такая была официальная встреча...

короля. Мы стоим и разговариваем. Я вижу, как вокруг нас какими-то дальними кругами ходит человек, одетый по-непальски, в этих подштаниках белых, в пилоточке белой, какая-то белая хламида на нем, немолодой человек. И я вижу, что он европейского склада лица, с небольшой бородой, и явно европейская морда. И он так ходит-ходит кругами, он к нам приближается, приближается, наконец подходит, кланяется и говорит по-русски: «Простите, вы русские?» — «Да, русские». — «Расскажите мне, что сейчас происходит в России». А это как раз все наши катаклизмы, 1996 год.

Мы ему всё рассказываем, рассказываем... Потом я обращаюсь к нему: Простите, Бога ради, что вы здесь делаете? Как вы сюда попали? Он говорит: «Вы знаете, мы из города Одессы. Когда началась революция, папа сказал, что все бегут на Запад, значит, мы побежим на Восток. Папа торговал мукой в Одессе. И мы поехали на Восток. Мы ехали

на Восток до тех пор, пока у нас хватило денег. Мы добрались до Катманду, и здесь мы остались. Мы занимались тем, чем занимаются все евреи во всем мире, мы торговали. Папа умер, я завел семью. У меня трое сыновей, есть кому оставить дело». Я говорю: «Простите, Бога ради, а что вы делаете здесь? Кем вы работаете?» Он говорит: «Пустое. Я управляющий королевских дворцов». Вот такая была официальная встреча.

Королевский дворец

У меня трое сыновей, есть кому оставить дело». Я говорю: «Простите, Бога ради, а что вы делаете здесь? Кем вы работаете?» Он говорит: «Пустое. Я управляющий королевских дворцов». Вот такая была официальная встреча.

Радио «Эхо Москвы». 14.09.2011

Борис Иосифович Жутовский (род. в 1932 г.) — художник, иллюстратор, писатель. Выставляться начал с 1959 г. Лауреат многих художественных премий и наград. Живет и работает в Москве.

Из общественных событий нашей группы (туристической. — Ред.) в Катманду... В один прекрасный день руководитель нашей группы говорит: «Ребята, завтра мы идем на прием к королю». Я говорю: «Слушай, ну как тебе не стыдно? Почему ты заранее не спросил? Ну зачем мне идти к королю? Ну что мне этот непальский король? Я тебя умоляю, тут столько интересного есть». — «Я уже договорился через посольство. Неудобно. Надо пойти». — «Бог с тобой, пойдем».

Мы приходим во дворец к королю. Огромная-огромная терраса с резными столбиками. Красиво. Ждем приема. Там стоят несколько группок, которые ждут приема у

Руфь Зернова На море и обратно

Начало в № 57

Соборная — это “Топ, милый карлик мой, приходи к нам поскорей, мы будем все с тобой играть, мы будем все с тобой скакать! Гоп, милый карлик мой!” И карлик, который вприпрыжку скачет вокруг хоровода, на скаку ударяет кого-нибудь по плечу, и теперь они скачут вдвоем под ту же песенку, а в кругу каждая ждет, замирая, — меня ударь, меня!..

А теперь — “Там, за лесом...”

Кто-то командует, наверное, из старших. И начинается чудная, любимая, может, в основе и в самом деле цыганская. Целяя пьеса, с предварительным распределением ролей — впрочем, во всех хороводах роли предварительно распределяются. Голосования не бывает, кто-то старший говорит: ты будешь цыган (ударение, конечно, на первом слоге), а ты — цыганка, а ты...

Запишу сюда “цыганскую”, пусть не пропадет. Только помните: каждая — каждая! — строчка повторяется два раза:

Там, за лесом, там, за перевалом,
Гай, гай, там, за перевалом,
Там цыгане пили и гуляли,
Гай, гай, пили и гуляли.
Один цыган не пьет, не гуляет,
Гай, гай, не пьет, не гуляет,
Он себе невесту выбирает,
Гай, гай, невесту выбирает.
(Подходит к какой-нибудь девочке в кругу).

Ты, цыганка, будь моя служанка,
Гай, гай, будь моя служанка!
(Избранница гордо отвечает):
Не хочу я быть твоей служанкой,
Гай, гай, быть твоей служанкой,
А хочу я быть твоей невестой,
Гай, гай, быть твоей невестой!
(Цыган весело поет):

Отмыкайте сундучки дубовы,
Гай, гай, сундучки дубовы.
(Все отмыкают воображаемые сундуки).
Одевайте вы мою невесту,
Гай, гай, вы мою невесту.
(Те, кто стоит поближе, делают всякие движения, будто и ее одевают).

А мы с нею сядем и поедем,
(Жених и невеста берутся за руки крест-накрест и начинают скакать вокруг круга).
Гай, гай, сядем и поедем.

Вот такая песня. Или, вернее, хоровод. И еще один хоровод, который все любили, полностью переведенный с немецкого, с сохранением мотива:

Жила-была царевна, царевна,
царевна,

Жила-была царевна, прекрасна-молода...

И дальше идет вся история спящей красавицы, со злой феей, с оградой (хор изображает выросшую вокруг дворца ограду, становясь на цыпочки и поднимая руки) и, конечно, с царевичем, который скачет на коне и будит спящую царевну. Как положено.

По-немецки это не царевна, а кто-то попроще: Dornroschen war ein schönes Kind, schönes Kind, schönes Kind... и так дальше.

Во дворе у нас — у няни, которая и обед готовила, и убирала, редко оставалось время для Соборной площади, и я обычно играла во дворе, — хороводы не водились. Играли больше в прятки. Двор у нас был колодец, конечно, но неглубокий, и мы, дворовые дети, свой двор любили, особенно весной, когда там так весело было кричать — голоса звенели, отдавались... Иногда мы пытались затеять какую-нибудь “Жила-была царевна...” — но не получалось. А во дворе напротив, где жила моя подруга Женя, — получалось, у них была своя песня:

Звездочка ночная
Светила при луне,
Девушка молодая
Служила при дворе.
И сам король, вздыхая,
Девушке говорил:
— Девушка молодая,
Ты полюби меня,
Я дам тебе колечко,
Ты будешь им владеть.
— Не надо мне колечка,
Не буду им владеть,
Отдай своей принцессе,
Прекрасной, молодой,
А мне, простой девушке,
Душевный дай покой.

Это длинная песня. Король предлагает под конец все царство, — а девушка все-таки сохраняет свою добродетель. Не знаю, откуда эта назидательная песня. Но тут тоже были роли: во-первых, “звездочка ночная” — над какой-нибудь девочкой помладше поднимали руки воротцами, и она получалась в рамке и улыбалась. Ну и конечно, король и девушка. Мальчики в это не играли.

Этот дом напротив, двухэтажный, был желтый. В нашем городе здания были, как правило, серые, не знаю, почему. Может быть, мне так кажется?

Но нет, какой дом ни вспомню, кроме этого, напротив, — он серый. Мода, что ли, была такая? Или считалось — благороднее, и на Париж похоже?

Но в этот, желтый, — нет, желто-зеленый — зеленовато-желтый дом, и в его очень интересный двор я попала поздно: мне уже исполнилось девять лет, и я уже имела от старшей подруги сведения о том, что такое любовь, — не очень точные, и я им не очень верила. В общем, начиналось отрочество, куда раньше, чем у Николеньки Иртеньева. А я хочу рассказывать про Соборную площадь. Про детство.

Еще помню шумные детские вечера — елка у дочки какого-то папиного сослуживца: смутное — еще до четырех лет — но приятное воспоминание, пахнувшее елкой и мандаринами. И мои собственные именины: мне четыре года, все танцуют, и моя тетя Лиза командует: “Маленькая с большой! Маленькая с большой!” И высокая большая Люся Виник танцует со мной — такая большая, такая красивая, а ее сестра Белка с огромной взрослой Олей из тети-Лизинной квартиры... Потом я обношу всех моих гостей коробкой “бальных” (марципановых) конфет — и знаю, что мне полагается взять только после всех. Я свою уже наметила — светло-голубую. И вдруг Лиля Сикирянская ее берет, и я, кажется, делаю движение, чтобы не отдать, и все взрослые смеются, объясняя друг другу мои чувства, и тут я

замечаю, что есть еще одна такая же конфета, и уже отдаю ее Лиле, но она отказывается — такая гордая девочка... Я о ней услышала через тридцать с лишним лет — от специалистки по Индии, Коки Антоновой.

— Со мной работала такая — Лиля Сикирянская. Похожа на вас. Она вам не родня? Я удивилась.

— Нет, просто девочка из нашего дома.

Как странно... Пожалуй, мы в детстве были в самом деле немножко похожи, но Лиля мне очень нравилась: в ней было изящество, грация, легкость, чего во мне не было.

— Она умерла, знаете?

Я замолчала — это было как удар. Лиле в моей памяти было по-прежнему пять лет...

Всё, о чем я тут рассказывала, — события “от двух до пяти”. Пять — это рубеж. И хотя мне пяти лет еще не было, все равно для меня этот рубеж — день рождения Жоржика. Жоржик — сын Полины Львовны. Он гораздо старше меня: ему исполняется восемь лет. Я никогда его не видела, но давно уже знала, что пойду к нему на именины (в Одессе так назывались дни рождения). Я чувствовала, что и папа с мамой к этим именинам готовятся, как к празднику. Это им все тоже было внове. Жоржик жил далеко — мы ехали туда на извозчике.

И вот — мы приехали. Вошли. Большая, даже огромная, комната; много детей, много взрослых; главное в комнате — альков или, может быть, эркер, с мраморным усатым бюстом (как выяснилось, это был бюст Жоржикова дедушки). Потом около этого бюста незнакомые дети представляли басни Крылова — “Кукушка и петух”, “Демьянова уха”... Я этих басен не знаю, но слово “басни Крылова” знаю от няни. У девочки, которая кукушка, на голове огромный черный бант (“пропеллер”, так эти банты тогда назывались).

Слов я не понимаю или не разбираю — и потому мне скучно. В “Демьяновой ухе” я даже названия не поняла; уже дома мне его объяснила мама... Потом мы под музыку ходим вереницей по всем комнатам — это называется grand rond, и эти слова я понимаю; у нас у всех на головах бумажные шапки — у меня бледно-голубая. Взрослые говорят “польская”, мне она нравится, главным образом из-за цвета...

Именинник, Жоржик, оказался очень обыкновенным мальчиком с веснушками, и я его почти не запомнила. Но там был другой мальчик — Жорж Большой. На нем была красная бумажная феска. Он был всех выше и всех старше — одиннадцать лет! — и у него было красивое смуглое лицо и голубые глаза. Вот этого мальчика я запомнила на всю жизнь, хотя так никогда в него и не влюбилась — это было не для меня! Странное, но верное чувство. Зато в него влюбилась моя трехлетняя сестра, и на вопрос “за кого ты выйдешь замуж?” — отвечала с нежной улыбкой:

— За Жоржа Большого.

Знакомая феминистка-американка с удивлением говорила мужу:

— Вот все русские придают такое значение красоте... А ведь это совершенно неважно.

Муж с готовностью согласился: — его феминистка была отнюдь не красавица.

Может, феминисткам удастся в конце концов убедить в этом не только своих, но и чужих мужей? И тогда, наконец, “настанет эпоха, которой не выдумать и не рассказать”? Женщин — наиболее юных — они уже убедили. По крайней мере четырнадцатилетняя девочка, слышущая среди взрослых красавицей (сверстники этого еще не заметили), объясняла мне:

— Ну что ж тут такого, подумаешь! Красивая, некрасивая... Это же не мой achievement!

Каквы понимаете, девочка эта возросла в Соединенных Штатах и

прониклась современными идеями. Теми, которые идут от наиболее глупых взрослых.

“Красота мир спасет, красота мир спасет”... Ох, уж эти мне русские классики! Все на что-то надеялись. Вот — на красоту! И Успенский: — Венера Милосская что-то там выпрямила... А еще демократ был.

Но вспоминаю, как подросток в метро смотрел на Галю Людмирскую: открыл рот и смотрел. Как на картину — безнаказанно. Она и не заметила.

Может, красота и спасет мир? Если захочет. Пора бы уже.

Вот какие надежды разбудили во мне воспоминания о Жорже Большом.

И еще одно. Когда я, через несколько лет, стала читать Чехова — он у нас в шкафу стоял достаточно низко, так что я легко его оттуда доставала, — один из первых рассказов, который я прочла, был “Володя Большой и Володя Маленький”. Он показался мне написанным про наших знакомых. Все было похоже: манера разговаривать, прозвища (Большой, Маленький), имена (в других взрослых книжках если и встречался Володя, то только как Владимир!). Героиню звали Софья Львовна, как нашу знакомую, и даже чем-то неуловимым она была на нее похожа... А еще там было несерьезное отношение ко всяким высоким вещам — к любви, например. У нас за столом взрослые иногда о любви говорили, но не так, как говорят в книжках, а именно вот так, как в этом рассказе. Несерьезно.

И там тоже, как в нашей жизни, ничего особенного не случилось. Софья Львовна любит Володю Маленького, а он ее ничуть не любит и только над ней смеется, и вообще через неделю он ее бросил. Ну и что? И ничего. Все как было, так и осталось. И этот Володя Маленький — он совсем не такой, как, скажем, Печорин, — он как будто из другого времени, из нашего... Мой папа, например, тоже напевал “Тарарабумбию”. И эта противная привычка Володи над всем смеяться тоже как у наших взрослых, и у мальчиков тоже — вот и Жорж Маленький такой.

А Жорж Большой надо мной не смеялся — он редко смотрел вниз, где копошились малыши.

И теперь — легкая пробежка по десятилетиям. Когда мне было лет четырнадцать, я овладела искусством тогдашних западных танцев. Танцев было два — танго и фокстрот. Я была ритмична, послушна и даже знала несколько эстрадных “закидонов”. Мальчики любили со мной танцевать. Жорж Большой попросил, чтобы я его “этому делу” научила. Он был уже совсем взрослый, учился в Водном институте (был такой в Одессе), но как-то умудрился, прожив в нашем музыкальном городе всю жизнь, не запомнить ни одной мелодии. Все знали, что ему медведь на ухо наступил, и ему это не мешало. Но после официального визита Ворошилова в Турцию, когда наши моряки, не умевшие танцевать, покрыли свою страну несмываемым позором, фешные западные танцы были разрешены в приказном порядке. И все заплясало. Патефонов было еще мало — но пианино не было редкостью, и в каждой компании кто-нибудь умел играть фокстроты по слуху. У одной девочки даже было прозвище: сто четырнадцать фокстротов. В этой ликующей обстановке не уметь танцевать было просто невозможно. Жорж Большой это понял, я тоже, и потому взялась за дело серьезно.

Продолжение следует

Все, кто имеет возможность помочь малоимущим людям, направляйте, пожалуйста, свои взносы по адресу:
Украина, 65023,
г. Одесса,
Приморский район,
ул. Нежинская, 77/79.
БФ "Хесед Шаарей Цион"
код ОКПО 34321888
р/с 26003321218601 АБ
"Пивденный"
г. Одесса МФО 328209

В Культурном центре Хеседа по средам с 10.00 до 11.30 работает кружок
"Вышивка бисером"
Руководитель —
Инна Корсунская.
Приглашаются желающие овладеть интересной методикой.
Справки по тел.
737-40-13

Улыбка

ОДНОСТИШИЯ

Вы с этим умным видом даже спите?
Как утомляет симулировать нормальность!
Ты что, не рад мне, милый? А придется.
Люблю вас. Просто в очень редкой форме.
А в письмах Вы казались мне стройнее.
А мне легко всё время прибежаться?
Блестящ твой ум. Жаль, дураку достался.
Нормальность в этом мире неуместна.
Ум, честь и совесть как-то перегрызлись.
Я в том, что прав, совсем не виноват.
О, как не вовремя порой приходит время!
Его переполняло чувство меры.
А быть моим врагом — врагу не пожелаю.
Хотел уж уходить, но тут опять налили.
Ты думал? А Минздрав предупреждал.
Ты правда глупый или это имидж?
Я от судьбы уйти хотела. Не судьба.
Еще вчера сегодня было завтра.
Путь к сердцу на желудке оборвался.
Я выгляжу неплохо, но не часто.
Какие это деньги? Это сдача!
Мне истина дороже не настолько!
Мужчины косяком — и мимо, мимо.
Я не поправился — от гордости расперло.
Меня стыдить? Имейте совесть!
Жизнь — это дар. Но лучше бы деньгами.
Таких, как ты, не будет. И не надо.
Я не стесняюсь — это маскировка!
Какие мысли иногда проходят мимо.
Вот нас как раз Вы недовпечатлили.
Прошло влечение — началась взаимность.
Я всех умней, но это незаметно.
Национальность у меня не очень.
Да, я не пью, но я не пью не это.
Я проверялся. Вы больны не мною.
Твои б мозги да к моему диплому!

В Культурном центре Хеседа планируется открытие трех клубов:

Клуб "Семейный очаг" — для желающих поделиться секретами долгой и счастливой семейной жизни, а также кулинарными рецептами еврейской кухни.

Клуб "Мое хобби" — приглашаются коллекционеры монет, марок, открыток, брелков и др.

Клуб политических дискуссий — ждем всех, кто неравнодушен к вопросам политики и любит их обсуждать. Планируется участие депутатов, политологов, социологов, историков.

Запись в клубы в Культурном центре Хеседа. Адрес: ул. Нежинская, 77/79, БФ "Хесед Шаарей Цион", каб. 214, или по телефону 7374013.

ВНИМАНИЕ!

В Культурном центре Хеседа работает Романтическая гостиная

"Любви все возрасты покорны".

Одиночество — не лучшее состояние человека.

Все, кто хочет приятно провести время, познакомиться с интересными людьми, найти друга или подругу, приходите к нам по средам в 16.30.

Адрес: ул. Нежинская, 77/79

Справки по тел.: 737-40-13 и 755-67-38.

Литературная студия "Откровение"

приглашает поэтов.

В программе:

основы стихосложения, творчество поэтов —

классиков и современников, творческие вечера.

Заседания проводятся

в Культурном центре БФ "Хесед Шаарей Цион" по средам в 14.00.

Адрес: ул. Нежинская, 77/79

ВНИМАНИЕ!

Уважаемые клиенты! Если вам будет необходима экстренная помощь, просьба обращаться в программу SOS по телефону 737-40-21

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ — КЛИЕЧКОВ

БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

С 95-летием

Глянц Розалию
Ершову Софию
Шестопаля Фиру

С 90-летием

Владимирову Малку
Крамаровского Леонида
Ромашко Клару

С 85-летием

Адаменко Раису
Гарбузу Сару
Гелерман Эсфирь

Евсовича Владимира
Каца Израила
Коломийченко Надежду

Кримпус Сосю
Лановую Розалию
Марх Зою

Михелькиса Алексея
Мусарского Ефима

Нагинскую Изабеллу

Осташевскую Галину

Подгорную Рейзу

Раскину Фиру

Самовалову Беллу

Свирина Николая

Соколову Елизавету

Хайкис Суру

Шаргородскую Любовь

Шмулевича Абрама

С 80-летием

Бубаря Григория

Бутенко Валентину

Воскобойник Зинаиду

Гринблата Евгения

Конторовича Григория

Мартыновскую Эсфирь

Нисенбаум Эмилию

Подмазко Людмилу

Туровца Менделя

Чернову Тамару

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧИЧКИКОВ — ВОЛОЧИЩЕРОВ

БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Гершун Ольгу
Гончарову Людмилу
Гоцульского Якова
Дучеву Антонину
Загурскую Галину
Зигмана Григория

Канчик Джанну

Кузнецова Александра

Лукьянову Евгению

Михайлуцу Николая

Нестерович Раису

Нефедову Надежду

Нисенбаум Эмилию

Полонецкую Ларису

Райхиль Аллу

Ример Клару

Тимченко Людмилу

Толкачеву Евгению

Юркову Светлану

Учредитель и издатель —
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН" (г. Одесса)

Газета издается при поддержке
Claims Conference и American
Jewish Joint Distribution Committee

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.

Реклама и объявления публикуются бесплатно.

Индекс издания — 09720

Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.

Отпечатано в Одесской типографии ООО "ВМВ", ул. Добровольского, 82-а

Тираж — 2400 экз. Зак. №

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А. Кесельман,
А. Креймер, Ф. Мильштейн
Компьютерная верстка
А. Быков

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
www.dobroedelo-11.narod2.ru